

YRSA SIGUR

КОРОЛЕВА СКАНДИ-НУАРА ИЗ ИСЛАНДИИ
РОМАН ПЕРЕВЕДЕН БОЛЕЕ ЧЕМ НА 30 ЯЗЫКОВ МИРА

ИРСА СИГУРДАРДОТТИР

РАСПЛАТА

Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды

Ирса Сигурдардоттир

Расплата

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.113.3-312.4
ББК 84(4Исл)-44

Сигурдардоттир И.

Расплата / И. Сигурдардоттир — «Эксмо», 2015 — (Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды)

ISBN 978-5-04-118235-9

Когда-то ученики одной рейкьявикской школы сделали послание в будущее, написав о том, что, по их мнению, случится через десять лет. Его положили в капсулу времени и зарыли в землю. Спустя десять лет капсула была извлечена, а послание прочитано. И выяснилось, что один из учеников предсказал смерть шестерых человек, указав их инициалы. На всякий случай его записку передали в полицию. Но насколько серьезными можно считать такие угрозы? Оказалось, что очень серьезными. Извлечение капсулы совпало с началом серии жестоких убийств. Инициалы жертв в точности повторяли инициалы из послания...

УДК 821.113.3-312.4

ББК 84(4Исл)-44

ISBN 978-5-04-118235-9

© Сигурдардоттир И., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	46
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ирса Сигурдардоттир

Расплата

© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Мьяусе и Пилле

Пролог

Сентябрь 2004 года

Школьное здание бросало стылую тень на пустую спортплощадку. За ним ярко сияло солнце. Входя в тень, редкие прохожие кутались в одежды и ускоряли шаг, спеша к теплему солнечному свету. Там еще был день, но здесь, за школой, ледяной ветер разбудил уснувшие качели в углу площадки, и теперь они медленно покачивались взад-вперед, будто их заняли невидимые дети. Дети, скучавшие так же, как Вака. И все же холод был хуже скуки. Он покусывал щеки и щипал пальцы. Она уже замерзла вся, с головы до ног. Холод добавляли каменные ступеньки, на которых сидела Вака. А все потому, что она надела новую, слишком короткую куртку. Конечно, надо было послушать мать и купить другую, подлиннее, но та была темно-синяя, а эта, короткая, – красная.

Вака поправила школьный ранец на спине. Может, все-таки перейти на солнечную сторону? Там, по крайней мере, не придется мерзнуть, хотя ни от одиночества, ни от скуки – даже посмотреть не на что – это не спасет. Вот только тень от школы простиралась так далеко, что, выбравшись из сумрака, Вака могла снова пропустить папу... Нет, уж лучше потерпеть холод, чем так рисковать.

Мимо проскочила машина такого же цвета, как и та, на которой ездил ее отец, но Вака сразу увидела, что и модель другая, и человек за рулем не похож на отца – и настроение упало еще ниже. Может, он забыл о ней? Этот день был для нее первым днем в новой школе, и, возможно, отец посчитал, что она, как обычно, отправилась домой пешком?

Тоска по старому дому накатила в сотый, наверное, раз. Единственным плюсом на новом месте стала ее комната, более просторная и клева, чем в старой квартире. Все остальное изменилось в худшую сторону, включая школу. Особенно дети. Здесь Вака не знала никого, а в старой школе – всех, и даже знала, как зовут домашних любимцев других девочек. Теперь в голове толкались и перемешивались десятки новых имен и лиц, а Вака еще даже не начала разбираться в них. Все это напоминало игру на запоминание, победить в которой у нее никогда не получалось, если только мама не поддавалась.

Вака шмыгнула носом. Сколько еще пройдет времени, прежде чем папа поймет, что должен приехать и забрать ее? Она посмотрела на главный корпус школы, но, вопреки надежде, никого не заметила – в темных окнах не было и намека на движение. Очередной порыв ветра ужалил щеки; Вака поежилась, встала и поднялась по ступенькам ко входу. В школе должен быть кто-то взрослый. Кто-то, кто разрешит ей воспользоваться телефоном. Но школа была закрыта, а толстая деревянная дверь приглушала звук. Опустив руку, Вака несколько секунд еще смотрела на нее, словно надеясь, что дверь откроется сама по себе. Но нет, чуда не случилось. Надо снова садиться. Может быть, теперь ступеньки не покажутся такими ледяными...

Мысли о холоде вылетели из головы, когда она повернулась. У подножия ступенек стояла девочка из ее нового класса. Странно, но Вака даже не слышала, как она подошла. Может, на цыпочках? Но зачем? Кусаться она вроде бы не собиралась, ведь они не были врагами. Но, хотя девочки не знали друг дружку, Вака запомнила ее хорошо. Да и как иначе? У девочки недоставало двух пальцев на руке: мизинца и безымянного. Она сидела впереди, одна, и казалась очень тихой. Поначалу Вака подумала, что она тоже новенькая, но учительница не представила ее, как представила Ваку, а значит, этот день не был для нее первым. Когда детям на уроках разрешали разговаривать между собой, девочка молчала, а на переменах сидела в сторонке и смотрела в пустоту, как теперь Вака. Лицо ее не изменилось даже тогда, когда двое мальчишек

принялись декламировать детский стишок, который когда-то читала Ваке бабушка: «Пальчик, пальчик, пальчик-мизинчик, где ты, где?» Вака подумала, что это отвратительно, но никто из остальных детей и глазом не моргнул. Закончилось тем, что и она отвернулась и не стала вмешиваться. Новенькая, что с нее взять...

– Закрыто, – сказала девочка с застенчивой улыбкой, исчезнувшей так же быстро, как появилась. Возможно, никакой улыбки и не было, а была только игра света, но в любом случае у Ваки осталось впечатление о милом личике. – Они всегда закрывают школу после уроков.

– А... – протянула Вака, топчась на месте и не зная, что сказать. Подружиться или заговорить с незнакомцем – с этим у нее всегда возникали проблемы. Но вот теперь, впервые за целый день, кто-то попытался вытащить ее из раковины. – Я только хотела позвонить.

– Может, тебе лучше позвонить из магазина? – Девочка махнула в сторону улицы. Она носила варежки, одна из которых маскировала изуродованную руку.

Вака сглотнула и, стыдливо опустив глаза, ответила:

– У меня нет денег.

Предполагалось, что по пятницам карманные деньги ей должна давать мать, но она постоянно об этом забывала. Обычно это проходило незамеченным, но случалось и так – вот как теперь, – что отсутствие денег создавало проблему. Как и то, что папа забыл забрать ее после школы.

Когда нужно что-то запомнить, на взрослых нельзя положиться.

– Жаль. – Девочка как будто погрустнела. – У меня тоже. – Она открыла было рот, словно хотела сказать что-то еще, но передумала и промолчала. В отличие от Ваки, куртку которой купили с некоторым запасом, на вырост, девочка была в анорাকে, из которого давно выросла и который не могла даже застегнуть как следует, со слишком короткими рукавами. Она не надела ничего на голову, и ветер трепал ее спутанные волосы. На ногах, несмотря на сухую погоду, у нее были старые резиновые сапоги. На фоне всего этого выделялись варежки – новенькие, чистые, яркие.

– Ничего. Я подожду. – Вака попыталась улыбнуться, но улыбка не получилась. Ждать, когда все так неясно и непонятно, нелегко. Холодно и голодно. Если б папа приехал вовремя, она сидела бы сейчас в их новой кухне и жевала горячий тост. Вака представила вкус расплавленного масла и джема – и голод тут же напомнил о себе...

Девочка переступила с ноги на ногу.

– Хочешь, я подожду с тобой? – спросила она, глядя не на Ваку, а в сторону, на пустую спортплощадку. – Могу, если хочешь.

Готового ответа у нее не было. Что лучше, что хуже? Сидеть и мерзнуть в одиночестве или попытаться поговорить о чем-нибудь с девочкой, о которой она ничего не знает? И все же, хотя Ваке едва исполнилось восемь, она знала, что на некоторые вопросы есть только один правильный ответ.

– Да, пожалуйста. Если хочешь. – Девочка повернулась к ней с сияющей улыбкой, и Вака добавила: – Но я уеду, как только за мной приедет папа.

Улыбка померкла, и лицо снова стало пустым.

– Конечно.

Вспомнив, как дразнили девочку мальчишки и какой одинокой она казалась, Вака постаралась исправить допущенную оплошность.

– Может, он и тебя отвезет домой? – Едва выпалив это предложение, она пожалела о своей несдержанности: родители часто жаловались на стоимость бензина. Ей совсем не хотелось просить отца ехать куда-то, за несколько миль, тем более сейчас, когда у них осталось совсем мало денег после покупки новой квартиры. – А твой дом далеко?

– Нет. Я живу вон там. – Девочка показала на школу, вероятно, имея в виду ряд домиков, которые Вака заметила, когда на перемене обходила школу с тыльной стороны.

От школы их отделял высокий забор, за которым скопились груды мусора: картонные упаковки, бумажки, пластиковые пакеты, жухлые листья. Ей не нравился беспорядок, не нравился мусор – такая гадость, – но сюда хотя бы не долетали голоса мальчишек, декламирующих свои противные дразнилки, и поэтому Вака подошла к проволочному ограждению и, стараясь не замечать мусор, уставилась сквозь него.

Рассматривая дома, она радовалась, что родители не купили один из этих. Такие обветшалые, запущенные, с отшелушивающейся краской и похожими на джунгли садиками... На заросшей высокой травой лужайке стояла старая, заржавевшая барбекюшница; казалось, сорняки тянутся вверх из небольшой решетки в крышке. За грязными стеклами окон болтались грязные занавески. Кое-где их заменяли одеяла, кое-где – старые газеты или даже куски картона. Расстроенная увиденным, Вака повернулась и направилась туда, где играли другие дети. Ее они как будто не замечали.

Улица была хороша лишь тем, что проходила вблизи школы. Может быть, у девочки есть телефон? Ей нужно лишь несколько минут, и отец, если приедет, пока ее не будет, не успеет отъехать далеко. Набравшись смелости, Вака спросила:

– А можно мне позвонить из твоего дома?

Девочка испуганно взглянула на нее.

– Из моего дома? – Она с усилием сглотнула, опустила голову и, уставившись на варезки, pokrutila изуродованной рукой. – Может, лучше подождем здесь? Твой папа, должно быть, скоро приедет.

– Да, наверное. – Вака снова поправила школьный ранец. Тот все сильнее и сильнее давил на плечи, словно тяжелея с каждой минутой, что она ждала.

– Если б я позвонила из твоего дома, то и ты могла бы потом прийти ко мне и поиграть. – Вака предположила, что девочка, если она и впрямь живет в одном из этих ужасных домов, будет рада любому поводу отлучиться. Может, она потому так плохо отнеслась к просьбе Ваки, что не хотела показывать свою комнату...

Похоже, девочка оказалась в затруднительном положении.

– Ладно. Но только сделай все быстро. И только если потом мы пойдем и поиграем у тебя. И не шуми. Папа, наверное, спит.

Вака довольно кивнула. Все закончилось как нельзя лучше, к тому же она еще и подружилась с кем-то не из их класса. Конечно, ей хотелось бы поближе узнать кого-то из других девочек, особенно шумных, веселых, к которым все тянутся, но те встретили ее холодно, демонстративно показав, что новые подруги им не нужны. Так, может быть, получится сойтись с этой девочкой, пусть даже у нее нет двух пальцев... Она хотя бы не такая задавака.

Но стоило им отойти от школы, как Ваку стали одолевать сомнения. Перед глазами встали те обшарпанные дома, которые она увидела за забором, и ей вдруг расхотелось идти туда. Уж лучше подождать на заледенелых, обмороженных ступеньках. Вот только возвращаться было уже поздно...

Школа осталась позади, и они приближались к домам.

Сияло солнце, но теплее почему-то не становилось. Более того, с каждым шагом холод пробирался все глубже. Вака пыталась придумать какой-нибудь предлог, чтобы повернуть назад, не обидев при этом девочку, но ничего не получалось. Ее новая подруга тоже молчала, очевидно, понимая, что каждый шаг приближает их к тому, что предначертано. Девочки так и не обменялись ни единым словом, пока не остановились на потрескавшемся асфальте возле одного из домов. Вака пробежала взглядом по фасаду, не поворачивая при этом головы, чтобы девочка не заметила, что она делает. Дом показался ей самым жалким и ветхим на целой улице. Двухэтажный, закованный в проржавевшую металлическую конструкцию, уже позабывшую, что такое краска. Запущенный садик под окнами. Трехколесный велосипед, лежащий на боку посреди травы и жухлых кустиков, такой же ржавый, как и сам дом. Потрескавшиеся окон-

ные рамы, замызганные занавески. И, словно всего этого мало, болтающаяся на петлях дверь. Нехорошее место.

Вака еще раз порылась в голове, в спешке отыскивая причину, почему им следует немедленно вернуться к школе, но опоздала. Девочка повернулась, печально посмотрела на нее и сказала:

– Идем. Это мой дом. Не шуми и сделай все быстро. А потом мы сможем пойти к тебе и поиграть. Правда? – В ее бесцветных глазах блестела такая надежда, что Ваке ничего не оставалось, как только кивнуть.

Она последовала за девочкой. Ранец давил на плечи, будто набитый камнями; сердце тяжело ухало в груди. Каждый шаг ощущался как преодоление. Вака чувствовала себя так же, как всегда, когда делала что-то, что, как она знала, не могло закончиться хорошо. Как в тот раз, когда родители устроили вечеринку и она, накрывая на стол, попыталась принести слишком много тарелок за один заход. Едва подняв их, Вака поняла, что взяла груз не по силам, но все равно попыталась донести. Тогда разбились все. Теперь она чувствовала себя так же.

Уже взявшись за дверную ручку, девочка остановилась.

– Давай. Помни, надо все делать быстро. – Она произнесла это почти шепотом, словно где-то внутри таился монстр, который не должен был знать, что они здесь.

Вака нерешительно кивнула и сделала последний шаг к двери. В следующую секунду она уже была внутри. Переступила порог, шагнула из света в тьму. В нос ударил вонючий запах сигарет и чего-то несвежего. Девочка закрыла за собой дверь, и тьма сгустилась. Возможно, оно и к лучшему: тьма скрывает грязь и беспорядок, и девочка не увидела отвращения на лице Ваки.

– Телефон наверху. Идем, – прошептала девочка едва слышно. Глаза немного привыкли к мраку, и Вака заметила, что девочка оглядывается по сторонам.

Вака медлила, и девочка нетерпеливо кивнула. Куртку она сняла. И одну варежку.

Оторвав взгляд от другой варежки, под которой пряталась изуродованная рука, Вака настороженно шагнула в комнату. И тут же наверху скрипнули половицы. Девочка вскинула голову, и лицо ее перекосилось от страха.

Вака замерла на месте. В глазах зацепало, будто к ним подступили слезы.

Что она здесь делает?

Вака тихонько всхлипнула, но, несмотря на тишину в доме, почти ничего не расслышала. Ошибка. Ужасная ошибка. Хуже, чем тогда с тарелками. Охваченная паникой, она растерялась. В голове билась только одна мысль: а ведь она даже не знает имени девочки...

Заметка на газетном стенде

Полиция Хапнарфьёрдюра¹ обращается за помощью в поисках пропавшей девочки. Восемилетнюю Ваку Оррадоттир в последний раз видели около 3 пополудни сегодня, когда она вышла из здания школы, чтобы пойти домой. Невысокая, худенькая, со светло-каштановыми волосами до плеч, она была в красной, до пояса, куртке, красной шерстяной шапочке, джинсах и розовых кроссовках. Полиция считает, что Вака до сих пор находится где-то в этом районе. Просим каждого, кто располагает какой-либо информацией, позвонить в полицию Хапнарфьёрдюра по телефону 525 3300.

¹ Хапнарфьёрдюр – портовый город на юго-западном побережье Исландии, в 10 км к югу от Рейкьявика.

Глава 1

2016

Хюльдар бросил на стол стопку фотокопий. Больше на столе не было ничего, если не считать двух или трех недопитых чашек кофе. В последнее время дела ему доставались по большей части те, братья за которые никто больше в Управлении не желал. Такие, как вот этот случай в школе. В участке уже сочиняли анекдоты на тему попавшего в опалу начальника. Теперь он пребывал в ссылке и сидел в самом тылу зала открытой планировки, откуда был едва виден его прежний офис.

Хюльдар взял за правило не смотреть в том направлении. Лично ему было наплевать на падение с карьерной лестницы; что действительно бесило, так это то, как восприняли случившееся бывшие подчиненные; а они тарасились на него как на заразного. Хюльдар полагал, что отношения с коллегами вернутся к тем, какими они были до его кратковременного повышения, но просчитался. Они умолкали при его приближении и начинали шептаться, стоило ему пройти мимо. Это было настолько нестерпимо, что временами он даже хотел снова оказаться в кресле босса.

Впрочем, чувство это никогда не задерживалось надолго. Едва оно приходило, как Хюльдар вспоминал, насколько неуютно ему было на высокой должности. Бесконечные отчеты, формуляры, совещания и прочая бюрократическая галиматья сводили с ума. Знай он заранее, что подразумевает должность, никогда не согласился бы принять предложение.

Но, к сожалению, как раз информации в то время не хватило. Весь процесс в сжатом виде свелся к одному предложению: «Вы хотите получить повышение?» Руководство оказалось под серьезным давлением: требовалось срочно назначить кого-то, кто возглавил бы расследование громкого убийства, а поскольку многим старшим детективам пришлось отойти в сторонку после серии скандалов, выбор – почти случайно – пал на Хюльдара². В отличие от университетов, где во внимание принимаются ученые степени, рекомендации или показатели, используемые в других секторах, в полиции вопрос о соответствии офицера руководящей должности решается на основе двух факторов: возраста и срока службы. И то, и другое выражалось в легко сравнимых числах. После недавних передраг начальство, похоже, взяло за ориентир очередной удобный маркер: рост. Хюльдар почти не сомневался, что сильные мира сего просто заприметили его возвышающуюся над толпой голову. Надо было сесть или хотя бы пригнуться. Тогда он остался бы на прежнем месте, где-то в середине пищевой цепочки, а не сидел бы на нижней ступеньке.

И все же Хюльдар не таил обиды на тех, кто предложил ему шанс. Мог бы и отказаться. Не держал он зла и на тех, кто был ответственен за его понижение. Так показательно запороть расследование убийства – это надо постараться. Объясняя случившееся одной из своих сестер, Хюльдар привел такое сравнение: в операционную со скальпелем в руке врывается хирург, но спотыкается и, вместо того, чтобы оказать пациенту неотложную помощь, отрезает ему голову.

Что хуже всего, полетев с должности, он увлек за собой Фрейю, директора Дома ребенка. Комитет защиты детей не простил ей выстрел в человека на рабочем месте и понизил до уровня обычного детского психолога. В общем, обоим следовало благодарить судьбу за то, что их не отправили топтать улицу в поисках работы.

² Здесь и далее: об этих событиях подробно рассказывается в романе И. Сигурдардоттир «ДНК».

Вот только благодарность определенно не значилась в списке приоритетов Фрейи. В тех редких случаях, когда их дорожки пересекались в связи со зловещими событиями в Доме ребенка, она едва достаивала его взглядом. Ее переполняли гнев, злость и раздражение, направленные, в чем не приходилось сомневаться, в его сторону.

Хюльдар состроил гримасу. Он еще питал надежду, что все может сладиться, несмотря на неловкое начало, неровную середину и катастрофический финал. Виноват был только он один; тон всему задала первая встреча, и оставалось только удивляться, что у него получилось вернуть ее доброе расположение, хотя перемирие оказалось недолгим.

Наученный горьким опытом предыдущих попыток общения с женским полом, Хюльдар при первой встрече с Фрейей представился плотником и провел с ней ночь. Лишь очень немногих женщин, как оказалось, привлекают полицейские. Обманув ее с профессией, Хюльдар добавил еще и назвался Йоунасом, хотя это было его второе имя. Позднее, когда их свело расследование убийства – то самое, которое в ключья порвало профессиональную репутацию каждого из них, – обман вскрылся, и плотнику Йоунасу не осталось ничего иного, как представиться Хюльдаром из комиссариата полиции.

И все же – что случилось раз, может случиться снова. Не исключено, что ему выпадет еще один шанс... Эта мысль его приободрила.

Хюльдар улыбнулся сидящему напротив молодому коллеге. Парнишка ответил смущенной улыбкой и тут же перевел взгляд на экран компьютера. Ничего такого уж интересного на экране быть не могло, поскольку парень пришел в полицию лишь недавно и в иерархии стоял под Хюльдаром – ниже некуда. Но поскольку новичок был единственным, кто пользовался в Управлении еще меньшим, чем Хюльдар, уважением, рассчитывать на то, что такое положение продлится сколь-либо долго, не приходилось.

– Завалили работой? – поинтересовался Хюльдар, изо всех сил стараясь не допустить, чтобы это прозвучало насмешкой.

Парень был на редкость восприимчив. Ему определенно не помешало бы немного закалиться, но об этом, решил Хюльдар, пусть позаботится кто-нибудь другой. У него и своих забот выше крыши.

– Да. Нет. – Выступающий над монитором лоб заметно покраснел.

– Так да или нет?

– Нет, не завалили. Но работы много.

– Знаешь, когда нам особо нечем заняться, это не так уж плохо. По крайней мере, с точки зрения общества.

Хюльдар сел и пододвинул к себе документы. Чем скорее он разберется с этой ерундой, тем лучше. И все же ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не вздохнуть, когда глаза пробежали сделанную детским почерком запись на первой странице. «В 2016 году машины будут не нужны. Люди станут пользоваться маленькими вертолетами, работающими на солнечных батареях. Ученые найдут лекарство от рака и других серьезных болезней. Все будут жить до ста тридцати лет. А Исландия станет самой лучшей страной в мире! Эллин, 9-С». Подпись сопровождалась двумя сердечками и двумя улыбающимися личиками. За все время службы улыбающееся лицо встречалось ему впервые.

– Ты поменял бы свою кошку на работающую от солнечной батареи «вертушку»? – Хюльдар раздвинул ламели в жалюзи и выглянул из окна. Энергии серого зимнего света вряд ли хватило бы на то, чтобы вертолетик оторвался от земли, а уж о том, чтобы удержать его в воздухе, не могло быть и речи.

– Что? – Судя по тону, парень счел вопрос каким-то тестом.

– Ничего. – Объяснять, что он имел в виду, не было ни сил, ни желания. Накануне Хюльдар провел вечер в баре с компанией приятелей и, как водится, перебрал и пересидел. Юнец то ли не слышал, какое дело всучили Хюльдару, то ли не отличался сообразительностью.

– У нас есть допуск к вертолету?

– Да. – Хюльдар тут же пожалел, что поспешил с ответом, и поправился. – То есть нет. У нас нет вертолета. Просто я читаю предсказания о будущем, написанные школьниками десять лет назад. В одном из них сказано, что мы будем перемещаться на вертолетах, работающих на солнечных батареях. Вполне возможно, что идея далеко не самая глупая...

Новичок развернул кресло так, чтобы видеть Хюльдара. Полное имя парня было Гвюдлэйгюр, но в участке, невзирая ни на какие протесты, все звали его просто Гюлли. Гюлли ему и суждено было остаться, если только он не станет своим в команде.

До конца этот курс проходили не все.

– А почему вы это делаете?

– Среди сочинений нашли некое странное послание, и директор школы связался с полицией. – Хюльдар протянул Гюлли фотокопию письма, в котором упоминался вертолет. – Одно время их школа тесно общалась с партнерской школой в Штатах, и среди совместных инициатив была такая: закопать на игровой площадке капсулу времени. Достать капсулы и сравнить детские предсказания о будущем планировалось через десять лет. Весь год девять учеников писали, какой, по их мнению, будет Исландия в две тысячи шестнадцатом году, а потом их письма положили в капсулу времени. И все бы ладно, да только кому-то из ребят вздумалось предсказать убийства. Мне нужно постараться отыскать автора письма, чтобы психиатры определили, не представляет ли он опасности. Лично у меня на этот счет большие сомнения, но проверить в любом случае нужно.

– И кого же он собирается убить?

– Там целый список. Упомянуты шесть человек. Полных имен нет, только инициалы. И в двух случаях лишь одна буква. – Хюльдар пролистал страницы в поисках письма. В школе ему выдали фотокопии всех остальных писем, кроме этого. Передавая оригинал, секретарь скорчила гримасу, а потом с облегчением выдохнула, довольная тем, что избавилась от проблемы.

Гвюдлэйгюр с любопытством наблюдал за ним. Интерес коллеги был приятен Хюльдару. Он уже забыл, когда такое случалось в последний раз. Жаль только, что само дело – пустая трата времени...

– А почему бы не поговорить с тем самым учащимся? Думаю, найти его не так уж трудно.

– Письмо не подписано.

– Тогда что вы станете делать? Попытайтесь выяснить, кто положил письмо в капсулу времени? Или, может быть, сравнить почерк?

– Да, что-то вроде этого. Писем оказалось на одно больше, чем учеников, а значит, кто-то положил не одно, а два. Так что мне нужно сравнить письмо с предсказаниями убийств с остальными. У детей такой безобразный почерк... По крайней мере, у мальчишек.

– Письмо писал мальчик?

– Судя по почерку, полагаю, что да. Или, может быть, девочка... левой рукой.

– Отпечатки пальцев?

Хюльдар рассмеялся.

– Ну да, конечно. Как будто кто-то даст разрешение снять отпечатки с шестидесяти пяти писем, написанных группой подростков, и сверить их с базой данных... Для этого мне нужен по меньшей мере один труп. А предпочтительнее – все шесть.

Хюльдар нашел нужное письмо и прочитал еще раз про себя. «В 2016 умрут следующие люди: К, С, БТ, ЙЙ, ПВ и Э. Скорбеть по ним никто не станет. А уж я – меньше всех. Жду не дождусь». И никаких сердечек или улыбающихся рожиц.

– Так вы считаете, что все эти люди еще живы?

– Уверен, и на то есть основания. Хотя, поскольку в моем распоряжении только инициалы, уверен не на все сто процентов. – Хюльдар протянул письмо младшему коллеге. – Школьная секретарша говорит, что среди убитых за последние десять лет никого с такими

инициалами нет. По ее словам, в тринадцатом убили мужчину, чье имя начиналось на К, но преступника осудили и он не был бывшим учеником и не подходил по возрасту. Я, конечно, проверю сам, но даже школьная секретарша в состоянии проверить короткий список убитых в этой стране.

Гвюдлэйгюр не ответил и, только прочитав письмо до конца, поднял голову и посмотрел на Хюльдара без всякого выражения. Лицо его еще оставалось по-юношески мягким, нос и щеки были усыпаны веснушками, и на подбородке отсутствовал даже намек на то, что называют пятичасовой тенью. Было ему, наверное, ближе к тридцати, то есть примерно столько же, сколько сейчас и анонимному автору письма.

– В «Википедии» есть страничка. – Гвюдлэйгюр снова покраснел, отчего словно стал еще моложе. – По убийствам в Исландии.

Хюльдар вскинул брови.

– Создал ты? – с чуть насмешливой ноткой поинтересовался он.

– Нет. Я лишь хотел привлечь к ней ваше внимание. Вы могли бы проверить имена жертв и сэкономить на этом время.

Хюльдар уже успел пожалеть о собственной невыдержанности. Ему не помешало бы подружиться с молодым коллегой – союзник на работе лишним не будет. Вот только заглаживать вину уже поздно. Краем глаза он заметил направляющуюся в их сторону Эртлу. Только бы ей не вздумалось вытаскивать его из офиса... Хюльдар поспешно вознес в небо соответствующую пылкую молитву. Не успел прийти, а предсказанная прогнозами буря уже показывала коготки. День определенно не задался, и удача повернулась спиной.

* * *

В ту зиму Исландию терзали области низкого давления. Циклоны непрерывно сменяли друг друга, и каждый последующий оказывался хуже предыдущего. Казалось, погодные боги вступили с островом в абьюзивные отношения и получали удовольствие, устраивая ему регулярную трепку. Словно в подтверждение этой догадки, порыв ветра швырнул в лицо мокрый лист. Холодный и склизкий, он прилепился к щеке, а когда Хюльдар поднес руку к лицу, приклеился к окоченевшим пальцам. Хюльдар с омерзением стряхнул лист; ветер подхватил его и понес через сад.

– Нашел что-нибудь? – Эртла изо всех сил старалась сохранить равновесие. Длинная черная полицейская парка превратилась в парус, и Эртла повернулась боком к ветру, по понятным причинам не желая шлепнуться лицом вниз на глазах у коллеги. Отношения между ними обострились после того, как его понизили в должности, а она заняла его место. Неуютно чувствовала себя именно Эртла – Хюльдар никаких претензий к ней не имел. Кто-то должен делать работу, а раз так, то почему бы не она? На его взгляд, Эртла была излишне грубовата и бестактна для новой роли, но, возможно, в том числе и эти ее качества принимались во внимание при назначении. От полиции давно требовали продвигать больше женщин, и в случае с Эртлой высокое начальство убивало двух зайцев: оно получило женщину, которая вела себя так же бесцеремонно, как ее коллеги-мужчины.

– Нет. Ничего. По крайней мере, ничего из того, что нам нужно. Самый обычный сад с самым обычным хламом. – Хюльдар кивнул в сторону изрядно потрепанного батута, надежно прикрепленного к ограде в конце лужайки. Пользовались им давно; ткань истрепалась, обнажив металлический каркас и несколько оставшихся пружин. Хюльдар постучал по ржавому барбекю, но привлечь внимание Эртлы к горячей ванне не стал – пропустить ее она не могла. Обыденность, заурядность сада бросались в глаза. – Похоже, чей-то дурацкий розыгрыш, ты не думаешь?

– Розыгрыш? – Избегая зрительного контакта с Хюльдаром, Эртла обвела взглядом сад и секунду-другую наблюдала из-под капюшона за Гвюдлэйгюром, который в поисках неведомо чего тыкал багром в голый, безжизненный куст. Подхваченные ветром несколько сморщенных листьев, вроде того, что распластался на щеке Хюльдара, закружились в воздухе. Эртла повернулась к нему, но взгляд нацелила на подбородок. – Не вижу здесь ничего смешного.

Хюльдар пожал плечами.

– И я. – Он тоже не понимал, зачем кому-то понадобилось выманивать их из офиса в такую погоду. Шутка определенно не была рассчитана на то, чтобы пробудить в полицейских теплые чувства к озорнику. По пути сюда Эртла рассказала, что сообщение, адресованное ей лично, пришло сразу после полудня, и в нем говорилось, что в этом саду есть нечто, могущее представлять интерес для полиции. Письмо было анонимное, и никакой дополнительной информации не содержало.

– Ну что, на сегодня хватит?

Эртла наконец посмотрела ему в глаза, и Хюльдар подумал, что ему стоило бы держать язык за зубами.

– Нет, черт возьми. Пройдемся еще раз.

– О'кей. Без проблем. – Хюльдар растянул губы в подобие улыбки, которая свернулась почти мгновенно; не так-то просто делать вид, что тебе приятно оставаться в продуваемом ветром саду.

Он посмотрел на Эртлу, отчаянно и стойко сражавшуюся с ветром, потом повернул к декингу и огляделся. Где здесь можно что-то спрятать? Было бы, конечно, легче, если б они знали, что искать. Что-то звякнуло, и Хюльдар, обернувшись, увидел, как крышка ванны слегка приподнялась и снова с грохотом упала. За воем ветра едва слышно скрипнули крепления. В корпусе имелась маленькая дверца. Вспомнив, что в ванну он еще не заглядывал, Хюльдар решительно направился к ней, чувствуя на себе пристальные взгляды хозяев дома. Мужчина – его звали Бенедикт – визиту полиции не обрадовался и долго не мог понять, в чем, собственно, дело. Представить его в роли автора анонимного письма не получалось – очень уж убедительным и неподдельным было проступившее на его лице изумление. Судя по всему, он лишь недавно ушел на пенсию, поскольку манерой держаться напоминал одного из мерзавцев, которые привыкли всеми распоряжаться и еще не вполне смирились с тем фактом, что их время кончилось.

Хюльдар снова помахал рукой и улыбнулся. Ответом ему был хмурый взгляд и жест, означавший должно быть, что ванну лучше оставить в покое. Вряд ли Бенедикт ожидал, что полицейский запрыгнет в пустое корыто; вероятно, он опасался, что крепления могут не выдержать, и ветер просто сорвет крышку. Трогать ее Хюльдар не собирался, а потому успокаивающе кивнул наблюдавшему за ним со второго этажа хозяину.

За дверцей не обнаружилось ничего стоящего, кроме насоса и каких-то труб. Хюльдар просунул голову глубже – убедиться, что за трубами никто не скрывается – и больно ударился головой о деревянный корпус, отозвавшийся глухим протестующим стоном. Поиски все больше напоминали пресловутую погоню за диким гусем. Попадись ему под руку автор анонимки, Хюльдар наверняка бы посчитался с ним за шишку, которая уже вырастала на макушке. Пара тумачков уже ничего не значила бы. Его репутация и без того втоптана в грязь.

Хюльдар закрыл дверцу, выпрямился и, потирая ушибленное место, еще раз оглядел погружающийся в сумерки сад. В общем-то, они прочесали его довольно тщательно, гораздо тщательнее, чем передний сад. Оставалось только надеяться, что Эртле не взбредет в голову вернуться туда. Старик у окна снова прокричал, что им надо быть внимательнее и не потоптать цветы. Учитывая время года, предупреждение смахивало на шутку – стебли едва вылезали из земли.

Хюльдар откинул упавшие на глаза волосы, и ветер, словно только и ждавший этого, тут же растрепал их. Бессмысленная трата времени... Как, впрочем, и вся эта работа. Что дальше? Куда еще заглянуть? Хюльдар побрел по саду, стараясь определить подходящее для сокрытия чего-либо место. Эрла и Гвюдлэйгюр также бесцельно слонялись, причем парнишка все еще таскал с собой багор. Хюльдар вернулся к ванне и прислонился к ней. Из-под крышки прорывался теплый пар.

Ничего интересного здесь не было. Автор письма просто посмеялся над полицией... если только кто-то не опередил их и не убрал то, что им надлежало найти. Возможно, родители нашли наркотики в комнате сына и решили сдать дурь полиции так, чтобы у отпрыска не возникло проблем с законом. Сынок же проследил за ними и, воспользовавшись моментом, убрал закладку... Нет, слишком надуманная конструкция. Родителям было бы проще бросить наркотики в унитаз и не создавать себе ненужных трудностей.

Ветер вдруг стих, и горячий пар из-под крышки поднялся к лицу Хюльдара. Поднялся, принес с собой железистый привкус крови.

Он вскочил, торопливо повернул крепления и поднял крышку. В окно наверху требовательно постучали.

Ему понадобилось не больше двух-трех секунд, чтобы понять, что именно плавает в воде, но как только мозг переработал получаемую информацию, Хюльдар отшатнулся и выронил тяжелую крышку. Ветер, воспользовавшись шансом, налетел с такой яростью, что петли не выдержали. Крышка заерзала, повиснув на единственном креплении. Но когда Хюльдар взглянул вверх, чтобы увидеть реакцию Бенедикта, лицо старика выражало не гнев, но изумление. Изумление и ужас.

Ухватившись за болтающуюся крышку, Хюльдар попытался вернуть ее на место и, собравшись с силами, позвал на помощь Эртлу и Гвюдлэйгюра. Снова налетел ветер. Мышцы горели от напряжения, глаза слезились, а Хюльдар не мог даже поднять руку. В какой-то момент он пожалел, что не сидит в офисе, разбираясь в банальной школьной загадке.

Потому что там, в окрашенной красным воде, плавали две человеческие руки.

Глава 2

В Доме ребенка уже несколько дней царило затишье, и это утро не стало исключением. Фрейя вошла последней, и после нее передняя дверь уже не открывалась, а телефон в приемной упрямо молчал. Кто-нибудь мог даже подумать, что зима высосала силы из всех насильников и педофилов. Устав от бесконечного цикла ураганов и оттепелей, Фрейя согласилась бы простить зиму, если б это и впрямь возымело такой эффект. Слишком много она видела поломанных детских судеб, слишком много слышала рассказов об омерзительных издевательствах, чтобы не быть благодарной за наступившую паузу. Ради этого Фрейя согласилась бы даже пригласить на остров все бури и шторма мира.

Словно поймав ее на слове и откликнувшись на приглашение, в окно забарабанил ветер. Фрейя вздохнула, подумав, что снова придется соскребать снег с лобового стекла, и даже вознесла небесам молчаливую молитву. А вдруг обогреватель ее развалины наконец-то сработает как надо? Фрейя поежилась и, чтобы согреться, напомнила себе, что у зимы есть и плюсы. Если такая погода сохранится, она, по крайней мере, отдохнет от докучливых друзей, которые, едва прослышав о существовании какого-то холмика в радиусе десяти часов ходьбы от Рейкьявика, проникались желанием непременно затащить ее на эту *гору*.

– Фрейя, на твоем месте я убрала бы подальше все хрупкие предметы. По-моему, у тебя посетитель. – Эльса, новый директор центра, остановилась в дверях тесного офиса, выделенного Фрейе после понижения. Ей было около пятидесяти, и до перевода в центр она возглавляла Комитет защиты детей. Человек, стрелявший в кого-то – пусть даже это была самооборона, – не может быть директором центра; так решило начальство. Боссы опасались неблагоприятной реакции прессы, которая могла усомниться в ее соответствии занимаемой должности, тем более что ее брат, Бальдур, сидел в тюрьме. Худшие опасения Комитета, к счастью, не реализовались, но любимой работы она лишилась.

– Что? Не поняла. – Оцепенение ненадолго уступило место удивлению. Но уже через минуту Фрейя снова уставилась на экран, размышляя безрадостно о своей судьбе. Неужели вот такой будет отныне вся ее жизнь? Неужели ее участь – быть мелким колесиком в машине социального обеспечения? Или даже не колесиком, а крошечным зубчиком...

Охватившее ее уныние не имело отношения к новой начальнице. Эльса прекрасно справлялась с обязанностями директора центра. Нет, просто карьера, опустившаяся на уровень ниже приемлемого для Фрейи, застопорилась и начала стагнировать. Эхо выстрела еще долгие годы будет звучать в стенах Дома ребенка. Некоторое время назад Фрейя задумалась о том, чтобы вернуться в университет и попробовать себя в иной области. Вот только в какой? Ни геологом, ни бухгалтером она себя не представляла. Ее талант лежал в способности понять настроения и мысли детей и подростков, а не в анализе структуры камней или сводных ведомостей.

– Он только что припарковался. Твой друг, тот незадачливый коп.

– Хюльдар? – Фрейя машинально скорчила гримасу. – Он мне не друг, а совсем даже наоборот. Должно быть, приехал к кому-то еще.

Эльса покачала головой.

– Сомневаюсь. – Она подняла тонкую – кожа да кости – руку и указала в окно. – Это ведь он, да?

Веса Эльса вряд ли больше 50 килограммов, и отсутствие даже лишней унции плоти не позволяло ей ни замаскировать, ни смягчить выражение лица, в результате чего оно выглядело необыкновенно оживленным. Скрыть свое тощее тело Эльса пыталась под свободными, в стиле хиппи, одеяниями, но даже они время от времени облегали фигуру. Радикально короткая стрижка придавала ей сходство с объявившим голодовку заключенным, тем более когда она носила оранжевое.

Фрейя быстро выглянула и действительно увидела Хюльдара, пытавшегося в противоборстве с ветром закрыть дверцу полицейской машины.

– О господи... Не хочу с ним разговаривать.

– Боюсь, если он хочет поговорить с тобой, выбирать не придется. При условии, конечно, что он здесь по делам службы. Не хочу напоминать тебе, как важно для нас поддерживать добрые отношения с полицией. – Тоном и выражением лица Эльса ясно дала понять, что мнение Фрейи в данном случае в расчет не принимается.

Прежде чем та успела предъявить другие возражения, директор скрылась в коридоре. Оставалось только надеяться, что Хюльдар все же приехал увидеть кого-то другого. Было слышно, как открылась передняя дверь; потом – приближающиеся голоса директора и полицейского. Фрейя даже не успела закончить свою молитву, а они уже стояли на пороге ее закутка – тонкая, как тростинка, Эльса и высокий, плотный Хюльдар. Выглядел он точь-в-точь как в последний раз: усталый и осунувшийся.

Странно, но ему это шло. Фрейя знала Хюльдара достаточно хорошо, чтобы понимать – это его обычное состояние. Даже в суде, в костюме, он производил впечатление человека, которого нужно срочно доставить домой и уложить в постель. Темные тени под глазами, щетина, растрепанные волосы...

Больше всего Фрейю раздражало, что вот это – ее тип мужчины, который, даже будучи не в лучшей форме, не станет терять время в постели, зевая.

По крайней мере Хюльдар был именно таким, в чем Фрейя убедилась на собственном опыте, пусть даже этот опыт и ограничился единственной ночью. В том, что получилось именно так, был виноват он сам – показал себя идиотом. Да, идиот, но каков в постели... Прежде чем мысли унесли ее в далекие дали, Фрейя напомнила себе, что именно из-за него она оказалась в своем нынешнем незавидном положении, что именно он отвечал за расследование, стоившее ей предыдущей работы.

– Ну что ж, представлять вас друг другу не надо. Фрейя, посмотри, чем можно помочь нашему гостю. – Не добавив никаких пояснений и даже не намекнув, что все это значит, Эльса повернулась и вышла.

Хюльдар неловко ухмыльнулся. В отличие от Фрейи, он злился на нее не так, как она на него. Точнее, он вообще на нее не злился, судя по продолжающимся попыткам возобновить знакомство. После того злосчастного выстрела судьба сводила их чаще, чем ей хотелось бы. Оба они вызывались свидетелями в суд – сначала в один, над человеком, в которого стреляла Фрейя, а потом в другой, завершившийся гораздо быстрее, над ее братом Бальдуром, обвинявшимся во владении незарегистрированным огнестрельным оружием. Вдобавок к уже отбываемому он получил еще двенадцать месяцев. Фрейе этот срок представлялся невыносимым, а вот брат принял приговор стойко и даже бровью не повел. «Будет время подумать», – сказал он сестре. О чем брат станет думать, Фрейя не хотела даже представлять. Возможно, Бальдур не возмущался еще и потому, что она, по крайней мере, попыталась солгать относительно происхождения оружия, заявив, что нашла его на улице. Надо отдать должное, этот подлец Хюльдар поддержал ее, сказав, что понятия не имеет, как оружие попало к ней. Впрочем, толку от всего этого было мало, а тот факт, что она оказалась в долгу перед ним, лишь усилил ее неприязнь. Судьбу Бальдура решили отпечатки его пальцев на оружии; сама же Фрейя лишь чудом избежала обвинения в лжесвидетельстве. Однако этот момент сыграл свою роль в решении понизить ее в должности.

– Можно войти?

– Входи, – холодно сказала Фрейя.

– А сесть тоже можно?

– Садись, – произнесла она тем же тоном и, когда он устроился на стуле, добавила: – Чем могу помочь?

– Вот ты мне и скажи. – Хюльдар положил на стол лист бумаги.

Всматриваясь в неряшливые каракули, Фрейя рассуждала, что могла бы и догадаться – почерк у него безобразный.

– Расследую одно дельце, и мнение детского психолога было бы очень даже кстати. – Хюльдар улыбнулся той же кривой, чуть смущенной улыбкой, что осветила его лицо минуту назад, когда он стоял на пороге. – А ты единственная, кого я знаю в этой области.

– Понятно. – Фрейя решила, что этого пока достаточно. Чем меньше слов, тем лучше. Пусть не думает, что ей не терпится поболтать по-дружески.

– Да, ну вот... Пока не начал... Ты, кстати, как? – Он выдержал ее взгляд и даже не моргнул. В том и заключалась сила обаяния этого придурка, что, когда он полностью переключался на нее, выражение рассеянности исчезало. Разумеется, Хюльдар был таким со всеми женщинами.

– Хорошо. Отлично. – Она не стала отвечать на любезность любезностью, спрашивать, как его дела.

– А твой брат?

– Хорошо. Отлично. Так что ты хотел спросить?

Прохладный прием и грубовато-короткие ответы, похоже, ничуть его не смутили. Он лишь вежливо улыбнулся и перешел к делу.

– Это написал четырнадцатилетний школьник или школьница. Скорее, все-таки парень. Хотелось бы знать, стоит ли из-за этого беспокоиться.

– Посмотрим.

Хюльдар подтолкнул к ней листок. Фрейя прочитала и вернула ему текст.

– Когда это было написано и при каких обстоятельствах?

– Десять лет назад, почти день в день...

Хюльдар рассказал о совместном проекте двух школ, о временной капсуле. Фрейя слушала без особого интереса.

– Боюсь, ничем не смогу тебе помочь. Не с чего начать. Но, думаю, волноваться причин нет. Подростки часто представляют, как однажды убьют своих врагов, но фантазии так и остаются фантазиями. Здесь нужно знать бэкграунд – если подросток был зол, когда писал это, то, возможно, из-за того, что указанные люди что-то сделали в тот день. Если это так, то причин для беспокойства нет. Злость со временем пройдет, система очистится. А вот если парень таил злобу долго, холил ее и лелеял, тогда дело другое. Но это маловероятно. Чтобы десять лет носить в себе ненависть, нужна очень сильная мотивация. Очень сильная.

– Значит, есть надежда, что однажды ты меня простишь? – Хюльдар печально улыбнулся.

– Я сказала, что потребуется очень сильная мотивация. Я не сказала, что это невозможно. – Улыбка слетела с его лица, и Фрейя тут же пожалела о своих словах. Трудно злиться на кого-то, когда этот кто-то сидит перед тобой. Куда легче, когда ты одна, когда перебираешь и пестуешь обиды. – На твоём месте я постаралась бы отыскать того, кто это написал. Вряд ли из этого будет толк, но ты по крайней мере сможешь закрыть дело и перейти к другим расследованиям. Полиции наверняка есть чем заняться.

– Вообще-то нет. Уровень преступности упал из-за погоды. Сейчас у нас только одно серьезное расследование – жутковатое дело, – но я в нем не участвую. Чисто случайно оказался замешан на ранней стадии. Попал в неблагонадежные, ничего важного не доверяют... – Хюльдар снова улыбнулся, явно рассчитывая показать, что ему такое отношение до лампочки, но получилось неубедительно, и жалкая улыбка лишь выдала скрытую обиду.

Чувство это Фрейя знала даже слишком хорошо, но от комментариев воздержалась. Стоит только позволить себе малейшую слабость, не заметить щель в броне, и вся защита мгновенно рухнет. Хотя ей и нужен был кто-то, в чью жилетку можно поплакаться, кто-то, кто выслушал бы ее обиды и жалобы из-за потерянной работы, а самое главное, кто-то, кто смог

бы понять. И такой человек сидел сейчас напротив. На подруг рассчитывать не приходилось – они только притворялись, что сочувствуют, но выдавали себя, едва открыв рот. Послушать их, так это она виновата во всем. Сама решила переспать с плотником Йоунасом, оказавшимся в действительности полицейским Хюльдаром; сама решила помириться с ним вопреки ясным указаниям на то, что у парня проблемы; сама решила взять на работу оружие, чтобы передать ему; сама решила спустить курок. Кто же еще виноват, если не она? А раз так, нужно смириться с последствиями, перестать ныть и заняться вместе с ними йогой. Возможно, выслушать ее согласился бы брат, но жаловаться ему Фрейя не решалась – в теперешних обстоятельствах это представлялось неуместным, пусть даже неприятности он навлек на себя сам. В итоге оставалась только собака Бальдура, Молли, сделавшаяся в последнее время ее лучшей наперсницей. И пусть Молли зевала, кривила мордочку и откатывалась подальше во время пространных монологов Фрейи, она, по крайней мере, никогда не критиковала и не приставала с глупыми вопросами.

Так или иначе, уступить соблазну раскрыть душу и пооткровенничать Фрейя не успела.

– Вообще-то, думаю, тебе это неинтересно, так что перейду к делу.

Фрейя невольно улыбнулась про себя. Пусть и непреднамеренно, Хюльдар сам отказался от шанса помириться в этот раз. А уж она позаботится, чтобы других возможностей ему не представилось.

– Есть другое письмо, написанное вроде бы тем же пареньком, предположительно в тот же день. Но мне хотелось бы услышать твое мнение. Как думаешь, их мог написать один и тот же человек? – Хюльдар протянул через стол вторую фотокопию.

– Да, почерк похожий. Но содержание сильно отличается. Я в таком деле не судья. Неужели в полиции нет экспертов?

– Есть, насколько мне известно. Но я надеялся, что ты увидишь в формулировке какие-то признаки того, что автор один и тот же...

Фрейя еще раз пробежала глазами по небрежно написанному тексту. «В 2016 году будет ядерная война. В Исландии наступят сильные холода, но это лучше, чем в других странах, где все умрут. Вместо того чтобы сажать в тюрьму, преступников станут отправлять за границу. И они тоже будут умирать. Трёстюр, 9-Б».

– Возможно, автор один и тот же. Текст выдает сходный негативный настрой. Другие письма такие же пессимистические?

– Нет. Ну, может быть, еще одно или два, но ничего подобного этому. Многие предсказывают, что Исландия выиграет мировой чемпионат по гандболу, или рассуждают о всяких необычных способах передвижения, зеленой энергии и все такое. Или что мы станем есть в будущем. К счастью, большинство предсказаний не сбылось. Мне как-то не улыбается переходить в ближайшее время на меню из насекомых и морских водорослей.

– Ты узнавал в школе насчет этого Трёстюра?

– Нет. Пока еще нет. Хотел сначала услышать твое мнение. Представляю, как бы они встревожились, узнав, что один из бывших учеников может оказаться серийным убийцей... Так что, причин для беспокойства нет?

– Я так не думаю. Если мальчик один и тот же, то он, вероятно, был сильно чем-то расстроен, когда они сдавали эти письма. Вот и объяснение негативного настроения. Сомневаюсь, что за этим стоит что-то более серьезное.

– Хорошо. – Разговор вроде бы заканчивался, но намерения уходить Хюльдар не выказывал. – Это хорошо.

– Да, хорошо. – Фрейя саркастически, как ей хотелось надеяться, усмехнулась. Она уже решила ничего больше не говорить, но тут ее осенило. – Полагаю, вы убедились, что никто с такими инициалами не умер при подозрительных обстоятельствах?

– Да, конечно. Утверждать рано, но ничего такого в этом году пока еще не случилось. – Хюльдар подтянул к себе фотокопии и свернул их в тугую трубочку. – Но шестнадцатый год только-только начался. Кто знает, что еще будет впереди... – Поднявшись, он еще раз улыбнулся. – Будем надеяться, что хотя бы не ядерная война. Спасибо за помощь.

Фрейя смотрела ему в спину с чувством сожаления. Заняться ей было практически нечем, а Хюльдар хотя бы оживил унылый серый день. Но когда он повернулся у порога, она изобразила полнейшее равнодушие, давая понять, что будет рада увидеть его спину.

– Что-то еще?

– Вообще-то да. Ты не согласишься встретиться вместе со мной с автором писем, когда мне удастся установить его личность? Если он все еще не вполне психически стабилен, ты скорее, чем кто-либо, заметишь признаки.

– О'кей, – не раздумывая, ответила Фрейя. – Проверить не помешает.

Хюльдар довольно улыбнулся, а Фрейя поймала себя на мысли, что не смогла бы таить злобу десять лет. Но прежде чем она успела развить эту мысль дальше, Хюльдар, похоже, не сдержавшись, выпалил:

– Это кем же надо быть, чтобы отрубить человеку руки?

– Что? – Она растерялась и даже подумала, что ослышалась.

– Отрубить другому руки; кто на такое способен?

– Тут всякое может быть... Жертва была еще жива или уже мертва?

– По всей видимости, жива. – От недавней улыбки на его лице не осталось и следа.

– Безумец, – не думая, ответила Фрейя. В конце концов, она не знала ни одного исследования, ссылкой на которое могла бы подтвердить это свое заключение. – Человек, страдающий серьезным психическим расстройством.

Глава 3

На этот раз в письме не было текста, только приложение под ярлычком *svik.jpeg*. Адрес отправителя не изменился: *uppgjor@gmail.com*³. Первое пришло сразу после полуночи в первый день нового года. Сомнений не возникало: отправителем был исландец. Пусть даже короткие и емкие, сообщения не могли быть написаны с использованием программы перевода. После каждого в животе у Торвальдюра затягивался тугой узел, ослабить который, вливая в себя джинс с тоником, не получалось, как он ни старался.

Из колеи выбило уже первое письмо, хотя тогда Торвальдюр посчитал его ошибкой. «Ты составил завещание?» Такое вступление наводило на мысль о спаме. Подобного рода писем он получал множество и каждый раз удивлялся – неужели находятся идиоты, которые принимают их всерьез? И кем же надо быть, чтобы взяться составлять завещание в ответ на такой имейл? Но потом он прочитал дальше: «Ты посмотрел последний фейерверк. Иди и отпразднуй Новый год шампанским. В гробу у тебя его не будет».

Торвальдюр давно уже закончил праздновать, когда, в первый день нового года, открыл письмо в тисках жутчайшего похмелья.

Последующие имейлы выдерживали тот же тон. Ему грозили скорой смертью – довольно преждевременно, на его взгляд. В тридцать восемь жизнь едва ли прожита наполовину, и умирать раньше срока Торвальдюр не собирался. Терять уверенность из-за такой чепухи просто глупо. Нервы у него всегда были в порядке: он никогда не боялся в кино, его ничто не трогало до слез, и даже на американских горках пульс не пускался вскачь.

В этом-то и заключалась проблема. Страх был настолько чужд ему, что теперь, отступив перед этой абсурдной ерундой, Торвальдюр не знал, как справиться с тревогой и успокоиться. Будь он в лучшем состоянии, когда открывал первое письмо, не сидел бы сейчас здесь с тошнотворным чувством в желудке, а просто отправил бы письмо вместе с вложением в корзину. Во всем виновато треклятое похмелье. Оно спровоцировало нервный срыв.

Утешаться оставалось только тем, что отправитель не знал и не мог знать, какое впечатление производят его письма. Торвальдюра так и подмывало ответить, послать его куда подальше, не стесняясь в выражениях...

*Расплата*⁴. Ключ, должно быть, в имени. Но с чего бы ему ждать какой-то расплаты, если он никогда и никому не сделал ничего плохого? Лично, сам. Конечно, учитывая его прокурорскую должность, наверняка найдутся те, кто имеет к нему претензии и хотел бы посчитаться. Если подумать, таких, пожалуй, сыщется немало. Что несправедливо, поскольку в своих проблемах им следует винить самих себя. И все же такая вероятность есть, и игнорировать ее невозможно.

Однако в письмах не было ни малейшего намека на то, что их автор – нынешний или бывший заключенный. Ничего, что указывало бы на судебное разбирательство. К тому же опыт двенадцатилетней карьеры показывал, что гнев осужденного бывает обычно направлен на сообщников, свидетелей, полицейских и судей, тогда как обвинители отделяются, в общем, довольно легко. Преступники не понимают, какой властью обладает прокурор. Предъявлять или не предъявлять обвинение. Какой именно закон применять. Решать, должен ли подсудимый получить символическое наказание за нападение или длительный тюремный срок за покушение на убийство. Определять, кого назначить главарем, а кого – соучастником. У большинства преступников просто не хватает мозгов, чтобы это понять.

³ По-исландски *svik* – обман, а *uppgjor* – расплата.

⁴ Имеется в виду первая часть электронного адреса отправителя – «расплата».

Если только письма не посылает тот, кто понял. Тот, кто пострадал от одного из этих решений.

Нет. Не похоже. В глазах подсудимых Торвальдюр был всего лишь малозаметным прислужником системы правосудия. Недоразумение, да, но очень даже удобное...

– Разве вам не надо быть в суде? – спросил, приоткрыв дверь и просунув голову в офис, один из молодых сотрудников, парнишка, не раз помогавший Торвальдюру, но чье имя тот никак не мог запомнить.

Нужно привести себя в порядок и расслабиться. Не хватало только, чтобы кто-то запустил слух, что он нервничает и чем-то расстроен. Торвальдюр имел репутацию человека, никогда не теряющего самообладания, и эту репутацию он хотел сохранить. Откашлявшись, прокурор бросил на мальчишку пренебрежительный взгляд.

– Дело отложено. Судья заболел. Мне позвонили и сказали, что мое присутствие не требуется.

– Вау... Позвонил лично?

– А ты как думаешь? – Торвальдюр даже не попытался скрыть раздражение.

– Не знаю. Думал, у них для этого секретари есть.

– Зависит от того, с кем они имеют дело. Вам-то судья звонить не станет.

Торвальдюр даже не удостоил его взглядом – пусть покраснеет.

– И не забудь закрыть за собой дверь – я занят.

Дверь закрылась – слишком громко, но без стука. Мальчишка не был дураком, хотя учиться ему предстояло еще многому.

На экране все еще висело открытое письмо с вложением – графическим файлом с раздражающим именем: *svik.jpeg*. Уж не от старой ли подружки, посчитавшей себя обиженной?

От бывшей жены? Определенно нет. Он не имел обыкновения оскорблять или унижать женщин – сказать по правде, у него и возможностей для этого было немного. После разрыва с Айсой, матерью его детей, Торвальдюр с головой ушел в работу и даже не пытался найти другую женщину. Ходить по городским барам он не любил, шлюх с их вялыми ртами и стеклянными глазами не терпел, а других к нему не тянуло. В тех редких случаях, когда он встречал женщину, чья внешность не отталкивала, его интерес оставался неразделенным. Из-за шума вести в таких заведениях нормальный разговор было невозможно, так что Торвальдюр даже не пытался убедить ее, что отсутствие сексуальной привлекательности с избытком компенсируется успехом. Он все еще лелеял мечту встретить однажды подходящую женщину, но мечта эта изрядно поблекла за год с лишним, что прошел с тех пор, как от него ушла Айса.

Мысль о ней пробудила горькие воспоминания об их разрыве. Он до сих пор ощущал себя невинно пострадавшим. Не финансово – в свое время ему хватило ума сохранить квартиру за собой и взять на себя выплаты по ипотеке, так что Айса осталась ни с чем. Но развод лишил его детей, что, в общем-то, не стало сюрпризом, поскольку в судах этот вопрос решается обычно в пользу матери. Женщине нужно прийти на разбирательство со шприцем в руке, трубкой для гашиша во рту и шапочкой из алюминиевой фольги на голове для отпугивания пришельцев, чтобы члены комиссии отдали предпочтение мужчине. Даже у него, образцового гражданина и примерного родителя, практически не было шансов выиграть спор и получить право на опеку. Айса, которую сочли более подходящим опекуном, работала в муниципалитете, но фактически была ничтожеством. Выпускные экзамены в школе она сдала с большим трудом, тогда как он закончил учебу четвертым в своем выпуске. Торвальдюр не сомневался, что пошел бы и дальше бакалавра, как, собственно, и планировал, но не сложилось.

Он – способный и одаренный, она – серость. Он – обеспечен и финансово независим, она – мать-одиночка в стесненных денежных обстоятельствах. И тем не менее право опеки отдали ей. Невероятно... Конечно, сыграло свою роль и то, что она обвинила его в *чрезмерном пристрастии к спиртному*. Мужчин всегда предъявляют повышенные требования, а их

образ жизни и привычки изучаются с особой придирчивостью. И хотя это обвинение было полной ерундой, подвергать его сомнению никто не стал. Мировой судья поверил Айсе на слово, несмотря на возражения Торвальдюра и характеристику, данную ему не кем-нибудь, а самим государственным прокурором.

Телефон пискнул, оповещая о получении очередного письма от *uppgjor*. Что же, черт возьми, происходит? Торвальдюр уже начал подумывать о том, чтобы обратиться в полицию. Или к своему начальству. Ребята-айтишники наверняка смогут выяснить, кто за всем этим стоит. Хорошего понемножку. Торвальдюр задумчиво потер щеку. А если письма идут от Айсы? Стоит ли привлекать внимание начальства, напоминая, в какую склоку вылился их развод? Разумеется, его боссом была женщина. Отношения у них складывались по большей части неплохо; он умело маскировал свое мнение, сводившееся к тому, что ей недостает ни компетентности, ни опыта, которые предъявлялись бы к мужчине на ее месте. Однако в результате судебной схватки по вопросу об опеке на их рабочие отношения пала тень, и ее мнение о нем изменилось не в лучшую сторону. В такого рода ситуациях женщины склонны стоять друг за дружку. Таков закон природы, и, следовательно, пытаться изменить его бессмысленно.

Возможно ли, что письма отправляет она? Его босс? Нет. Торвальдюр покачал головой. Полная нелепица. Конечно, нет.

Но если не Айса, не босс, не подружки из прошлого и не преступники, то кто же тогда?

Ни у кого на свете не было причин желать ему зла. Тогда почему он не спешит обратиться за помощью? Почему не хочет инициировать расследование? Не в том ли дело, что где-то в глубине души затаилось смутное подозрение? Сомнение в собственной правоте насчет того, что это все ошибка? Не удерживает ли его опасение, что расследование может выявить то, что он предпочитает скрывать? Конечно, так оно и есть. Отправитель ясно дает понять, что располагает какой-то порочащей его информацией. Но что это может быть? Что-то такое, от чего он отмахнулся и о чем уже забыл? Чтобы угрожать обвинителю, за спиной которого долгая и, пусть он сам так сказал, чертовски успешная карьера, нужны серьезные основания.

И никого не касается, что успех объясняется отчасти его обыкновением брать не самые трудные дела. Этого никто, вроде бы, пока еще не заметил. Разве что коллеги шепчутся за спиной...

Может быть, у него развилась паранойя – вдобавок ко всему прочему?

Торвальдюр перевел дух. Скользнул взглядом по рукавам дорогого пиджака, задержавшись на секунду на свежих белых манжетах рубашки, выглядывающих на запястьях, согнул и вытянул пальцы с аккуратным маникюром. Полюбовался. Успокоился. На манжетах блеснули дорогие запонки, которыми он побаловал себя недавно, обнаружив, что никто больше не отметил достойным подарком на день его рождения. Неуклюже нарисованные открытки от детей в счет не шли. Он никогда не находил очарования в таких наивных творениях.

Запонки сверкнули еще раз, и настроение пошло вверх. Ему даже не понадобилось смотреть на сияющие кожаные туфли и шелковые носки, чтобы вернуть самообладание и напомнить себе, кто он такой. Победитель. Человек, знающий, чего это потребовало. Человек, внушающий страх и уважение, – может быть, не всем и каждому, но большинству.

Эти электронные письма... жалкие пугалки. Торвальдюр мог бы дать руку на отсечение, что автор их сидит за дешевым компьютером, в грязной футболке и мятых трениках, ни разу не видевших спортзала. Лузер. Одно ясно, этот писака ему и в подметки не годится.

Просто так его не взять. И ничто не мешает ему кликнуть по вложению, взглянуть на картинку, а потом открыть последнее сообщение. Он силен и крепок. Победитель.

Торвальдюр усмехнулся, подвел курсор к файлу *svik.jpeg* и кликнул мышкой.

Фотография заполнила почти весь экран. Он нахмурился. Что еще за чушь? Двое детей, девочка и мальчик чуть постарше, смотрели на него с выражением, далеко не счастливым. Ни девочку, ни мальчика он не узнал, да его и не интересовали чужие дети. Никто из них не оста-

вил в его памяти ни малейшего следа. Бледные, неряшливо одетые; ни намека на румянец на щеках, ни искорки в мутных глазах. Если в невинных глазах его детей сияла радость жизни, то в хмурых взглядах этой пары ощущались куда более взрослые эмоции. Они как будто обвиняли.

Торвальдюр смотрел и смотрел на фото, не в силах закрыть его и вернуться к работе. И чем дольше, чем пристальнее он вглядывался в ничем не примечательные лица, тем отчетливее проступало ощущение, что в них есть что-то знакомое. Откуда он знает этих несчастных? Как они связаны с ним? *Думай, черт возьми, думай...* Память должна помочь.

Кроме детей, что еще есть на фотографии? Увы, ничего примечательного. Только угол здания позади них и какая-то улица.

Они могли быть где угодно. Датировать фото тоже было невозможно. Для зацепки оставалась только одежда, выбранная, похоже, с единственной целью: прикрыть наготу. Что-то было великовато, что-то маловато, и все ветхое, ношеное...

Внезапно, словно в голове что-то сдвинулось и сошлось, все стало на свои места. Черт, черт, черт!..

Ужас, охвативший его в первое мгновение, смыла волна облегчения. Слава богу, что он никому ни о чем не сообщил. Слава богу...

Дрожащими пальцами Торвальдюр кликнул последнее сообщение, а прочитав его, схватил телефон и набрал номер Айсы.

«Какие чудесные у тебя дети. Тебе нужно хорошенько о них заботиться. Есть люди, которые могут предать их. Ты ведь и сам прекрасно это знаешь...»

Глава 4

– Почерк тот же самый, сомнений быть не может. Тот, кто их писал, даже не пытался как-то его изменить. – Эксперт-почерковед оторвал взгляд от увеличенных букв на экране. – Признаков нерешительности или какой-то особенной тщательности тоже не видно, а значит, можно заключить, что он, этот Трёстюр, не пытался копировать чей-то почерк.

– Отлично. – Хюльдар, с интересом слушавший эксперта, склонившись над столом, выпрямился. Раньше ему и в голову не пришло бы тратить время на такие мелочи и заниматься этим делом лично; он просто послал бы кого-нибудь с письмами и спросил мнение эксперта по телефону. Но, хотя после обнаружения отрубленных рук участок поставили на уши, Хюльдару удалось оставить за собой временную капсулу. Никакой роли в новом расследовании Эртла ему не назначила, и он уже засомневался, что когда-нибудь ее получит. Судя по тем разговорам, которые ему удалось подслушать, расследование топталось на месте. Руки отослали на экспертизу, но никаких новостей оттуда пока не поступило. А в полицейском расследовании отсутствие новостей не приравнивается к хорошим новостям.

– Неужели действительно есть смысл тратить на это время полицейских? – скептически спросил эксперт-почерковед после того, как Хюльдар объяснил, откуда взялись письма. – Ну разве станет кто-то приводить в действие план, придуманный десять лет назад, когда он был четырнадцатилетним парнишкой?

– Не станет, конечно, но мы все равно обязаны с этим разобраться. Исключения случаются всегда.

Эксперт хмыкнул, но в знак согласия или наоборот, осталось неясным. Впрочем, Хюльдару в любом случае было все равно.

– Спасибо. Тогда я пойду и поговорю с мальчишкой.

– С молодым человеком. Не забывайте, ему далеко за двадцать.

Хюльдар не стал отвечать и, отказавшись взять предложенные фотокопии, вышел из офиса. Было тихо и безветренно, бушевавшая с утра буря выдохлась. На улице он закурил сигарету. От попыток бросить курить Хюльдар отказался давно, хотя и не афишировал этот факт. Главное, чтобы не узнали сестры; их у него было пять, и каждая норовила прочесть ему лекцию о вреде курения, а он пребывал сейчас не в том настроении, чтобы выслушивать нотации и наставления.

Мобильный зазвонил, когда Хюльдар опускал в карман зажигалку, и он ответил машинально, не посмотрев номер. Таких, кто мог бы ему звонить, было немного. На этот раз честь оказала школьная секретарша, проинформировавшая с должной торжественностью, что выкроила для него время в рабочем графике директора, и тот сможет принять Хюльдара в конце дня. В десять минут десятого. Немного удивленный такой точностью, Хюльдар поблагодарил ее и сказал, что будет, возможно, с детским психологом. На всякий случай.

Фрейя сказала, что дело того стоит, и что нет ничего плохого в том, чтобы жить с надеждой.

Хюльдар решил сходить в офис, хотя и знал, что делать там нечего, разве что порыскать в Сети. После встречи с директором он, надо думать, будет знать фамилию ученика, а значит, сможет к нему наведаться. А потом, когда убедится, что всё в порядке, дело будет закрыто. И на его лотке для входящих не останется ни листочка. Хюльдар затянулся в последний раз, сунул руки в карманы парки и зашагал в направлении полицейского участка.

Офис напоминал потревоженный улей, но рабочий стол Хюльдара словно находился на другой планете. Никто не подходил к нему, а те, что проходили мимо, едва достаивали его взглядом. Единственным, кто разговаривал с ним, был Гвюдлёйгюр, выглядевший так, словно сходил с ума от стресса. Порученное задание определенно было ему не по плечу, и его потный

лоб то и дело появлялся над монитором. Комичная ситуация! Он, один из самых опытных детективов, сидит, изнывая от безделья, а рядом парнишка-новичок обливается потом, не зная, что делать...

В какой-то момент Хюльдар поймал себя на том, что смотрит ролики про котят на «Ю-тьюбе», и этот момент стал точкой перелома. Он встал, подошел к офису Эртлы, постучал и, не дожидаясь ответа, толкнул дверь. Конечно, она увидела его через стекло и приглашать войти не собиралась.

– Я на пару слов. Обещаю, что не задержусь. – Краем глаза он заметил картину с базальтовыми скалами Рейнисдраунгар, которую сам же и купил, чтобы оживить комнатку, хозяином которой был. Теперь картину сняли, и она стояла на полу, прислоненная к стене. По правде говоря, у стены она простояла едва ли не все время его пребывания в должности. Хюльдар долго не решался повесить ее, чтобы не искушать судьбу. Так и получилось. Вскоре после того, как картина заняла место на стене, Хюльдар потерял свое место за столом... Возможно, черные скалы и впрямь могли проклясть любого, кто посмеет использовать их для украшения. Если так, то пусть бы Эртла оставила их там, где нашла.

Эртла попыталась изобразить невозмутимость, но по тому, как заматались ее глаза, Хюльдар понял, что она ожидает сцены. Он тут же поспешил развеять ее страхи.

– Мне нужно чем-то заняться. Не могу сидеть и раскладывать пасьянс, пока остальные тонут в работе.

– Тонут? Кто тонет? – картинно удивилась Эртла, разыгрывая этот небольшой спектакль, чтобы показать, как все необыкновенно спокойно. Вот только заваленный бумагами стол опровергал ее слова.

– Гвюдлэйгюр, например.

– Гюлли?

– Гвюдлэйгюр. Парень, что сидит напротив меня. По-моему, он не справляется, и я хочу, помимо прочего, помочь ему. – Хюльдар подтянул стул, поскольку Эртла, по всей вероятности, не собиралась предложить ему сесть. – А еще мне нужно знать, как идет расследование. В этом ведь нет ничего противоестественного, да?

– Конечно, нет. Просто я сейчас немного занята. И я тебя не оттесняю. Просто подумала, что у тебя и без того забот хватает с этой... как ее там?

– Капсулой времени. – Хюльдар продолжал сидеть, не обращая внимания на попытки Эртлы показать, что она занята. – Надеюсь, что закрою дело завтра, и потом делать мне будет нечего.

– Господи. – Никакого особенного сочувствия ни голосом, ни выражением лица она не выразила. Как все изменилось... Еще недавно Эртла до неприличия откровенно набивалась ему в напарницы, свидетелями чего были все коллеги. Хюльдар не скучал по тем дням, но хотел бы, чтобы она признала его одним из членов команды. Он не мог понять, почему она так ополчилась на него – разве что боялась обвинений с его стороны и хотела избежать неприятной сцены. Но ему это было не нужно. Пусть остается в кресле; он лишь хочет получить назад свою прежнюю работу.

Хюльдар улыбнулся, но улыбка не поднялась к глазам.

– О'кей. В таком случае я поговорю с помощником комиссара. Если ты не знаешь, чем меня занять, то уж у него что-нибудь найдется. Возможно, он решит, что твоя команда страдает от безделья, и обеспечит вас бумажной работой. Знаю, у него куча всяких бланков и анкет, которыми он с удовольствием поделится с тобой. – Хюльдар скользнул взглядом по столу – среди прочих документов мелькнули особо нудные и хорошо ему знакомые формуляры. Он приготовился встать. Да, результат получился не тот, на который он рассчитывал, но и позволять кому-то делать из него дурака на работе он не собирался. С этим ему и самому нетрудно справиться.

– Сиди. – С Эртлой что-то случилось, и теперь она смотрела на него не как босс или кто-то, давно прячущий камень за пазухой, но как давняя коллега. Такой Хюльдар не видел ее давненько. – Можешь помочь парнишке. В смысле, Гюлли.

– Гвюдлэйгюру.

– Пусть так. – Она посмотрела на него своими голубыми, покрасневшими и усталыми глазами. – Вообще-то, все не так уж хорошо. Прошло уже три дня, а нам по-прежнему не за что зацепиться.

– Неужели никто не позвонил? – Хюльдар едва удержался, чтобы не добавить какой-нибудь легкомысленный комментарий вроде того, что парню, наверное, трудно ват набирать номер. Он все еще не привык сдерживаться в разговоре с Эртлой.

Она бросила взгляд на монитор, словно ожидая письма, которое даст ответы на все вопросы следствия.

– Нет. Пока никаких заявлений не поступало. Что тоже не сулит ничего хорошего.

– Да уж. – «Может быть, – подумал Хюльдар, – пострадавший решил, что лучше умереть, чем жить без рук. Не хотелось бы оказаться перед таким вот выбором». – Так мы, значит, ищем труп? Труп без рук?

– Да мы и не ищем. В том смысле, что мы понятия не имеем, откуда и с чего начинать. Есть идеи? Приму с благодарностью.

– Получается, у вас даже предположений нет?

Эрла покачала головой.

– В отделе установления личности сравнили отпечатки с имеющейся базой данных и совпадений не обнаружили. – Она снова посмотрела на монитор, но результат, похоже, остался таким же удручающим, как и прежде. – В любом случае это было бы слишком легко. – Ее взгляд скользнул по столу и задержался на стопке формуляров. Потом она схватила несколько сколотых в уголке листков. По расположению квадратиков и шапке на верхней странице Хюльдар определил, откуда пришел документ.

– Отчет патологоанатома. Только что прислали. Не самое приятное чтение.

– Да, хорошего у них мало... – Хюльдар даже не попытался скрыть любопытство. – И что там говорится?

Эртла взяла лежавший рядом с отчетом листок с какими-то записями. Почерк Хюльдар узнал – самой Эртлы. Она по-прежнему записывала все, что увидела, услышала или прочитала. Он давно завидовал этой ее привычке, но перенять ее, как ни пытался, не смог.

Основные выводы Эртла прочла на одном дыхании, без остановки.

– «Руки принадлежат мужчине. Возраст – средний. Каким-либо ручным трудом не занимался, разве что очень давно. На четвертом пальце левой руки отметина от кольца, предположительно обручального. Само кольцо отсутствует – снято либо тем, кто отрубил руки, либо владельцем. На четвертом пальце правой руки след более широкого кольца, которое также отсутствует. Отметина указывает на тип кольца, которое люди получают по окончании некоторых заграничных университетов, или, например, на масонское кольцо. Установить точнее невозможно. Следы настолько слабые, что, по мнению патологоанатома, мужчина и не носил эти кольца в последнее время. По крайней мере, нерегулярно». – Эрла оторвалась от листка и подняла голову. – В момент, когда отрубили руки, мужчина был еще жив. Так считает патологоанатом. Хотя и с оговорками.

Хюльдар кивнул. Он слышал спекуляции коллег по этому вопросу, но рассуждения не подкреплялись фактами. Слух о том, что жертва была жива, возник на основании жуткого характера самой находки.

– Они определили, какое орудие использовалось? Что это было, нож или пила?

– Цепная пила.

– Вот дерьмо...

– Да. Дерьмо.

– Определить, умерла жертва в результате этого... этой процедуры или осталась жива, невозможно?

Эрла покачала головой.

– Нет. Но патолог считает, что вероятность смерти весьма велика. Человек вполне мог умереть от потери крови. Второй вариант – шоковая реакция организма и, как результат, отказ жизненно важных органов. Это тоже привело бы к смерти, но во втором случае пострадавший прожил бы дольше, чем в первом.

– Однако полной уверенности в смертельном исходе у патолога нет? То есть жертва может быть жива?

Эрла пожала плечами.

– Теоретически. Но в таком случае, где он? Держу пари, справиться с этим молча, в одиночку, он не мог.

– Не мог. Если только его не держат где-то, накачав наркотиками.

– Не исключаю... – Эрла вздохнула и взлохматила волосы, что придало ей немножко безумный вид. – Но анализ крови ничего такого не показал.

– Где у нас можно взять цепную пилу?

– В любом магазине «Сделай сам». Или в компании по прокату оборудования. Хочу проверить последние покупки и аренду. Надеюсь, это даст нам хоть какую-то ниточку. Бензопилами пользуются, когда нужно спилить дерево и обрезать ветки, так что зимой спрос на них небольшой. Думаю, когда соберем все имена, список не будет длинным.

– А что тот тип, на участке которого находится горячая ванна? Его-то проверили? Должна же быть причина, почему выбрали именно его дом. Я про то, что с улицы или из соседского сада ванну увидеть нельзя, а значит, преступник не мог просто ехать мимо и ни с того ни с сего решил избавиться от рук. Должна же быть какая-то связь, разве нет?

– Ты про Бенедикта Тофта? Мы к нему присматриваемся. Пока ничего подозрительного не обнаружили. С него сняли показания, проверили – все так. И вел он себя естественно, не притворялся. Тофт – пенсионер, вдовец, у полиции на него ничего нет, что не удивительно, поскольку он был прокурором.

– А это не может быть как-то связано с его старыми делами? Месть за приговор, что-то в этом роде?

– Может быть. Надо поговорить с ним как следует. Он постоянно откладывает встречу, а теперь и на звонки перестал отвечать. Если не застанем его сегодня, прикажу доставить сюда. Но сомневаюсь, что из этого что-то получится. Возможно, просто совпадение. Возможно, преступник уходил через сад, и ему было нужно поскорее избавиться от улики... Что-то в этом роде. – Заметив, что Хюльдар скептически слушает это ее объяснение, Эрла вспыхнула. Возможно, вспомнила про наводку; кто-то хотел, чтобы полиция нашла руки, так что место вряд ли выбрали случайно. – В общем, Тофт выглядит совершенно обычным гражданином. И он очень-очень зол.

– Это я понять могу. Надеюсь, когда выйду на пенсию, у себя ничего подобного не найду.

– Нет, от потрясения Тофт вполне оправился. Сейчас он требует компенсации за сломанную крышку. Может, попробовать заманить его сюда обманом? Приглашу для обсуждения оценки ущерба...

Хюльдар не нашелся, что сказать. Люди ведут себя по-разному, и он редко чему удивлялся, но в данном случае такая реакция показалась ему по меньшей мере странной.

– На твоём месте я присмотрелся бы к нему повнимательнее. Любому нормальному человеку понадобилась бы неделя, чтобы прийти в себя после такого шока и начать думать о компенсации.

– Понимаю, – Эртла нахмурилась. – Хотя годы работы в суде не проходят даром и наверняка серьезно его закалили. – Сложив руки на груди, она откинулась на спинку стула. – Ничего, справлюсь.

Вместо того чтобы вздохнуть, Хюльдар улыбнулся.

– Я и не говорю, что не справишься. Но позволь помочь. Ни это место, ни вся эта ерунда несколько меня не интересуют. – Они одновременно взглянули на сваленные на столе бумаги. – Можешь мне поверить.

Зазвонил телефон, и Эрла, не ответив Хюльдару, отвернулась. Поверила ли она в его искренность? Трудно сказать. Но когда Эртла, даже не посмотрев на него, махнула рукой – мол, разговор окончен, – Хюльдар понял, что ни в чем ее не убедил.

Он вернулся за стол и сообщил Гвюдлэйгюру, что получил приказ помочь ему. Парень вынырнул из-за монитора с горящими щеками и уставился на старшего коллегу. Возможно, он и заподозрил неладное, но скрыть облегчение не стал даже пытаться и принялся, торопясь и путаясь, объяснять, чем именно занят. Слушая и представляя, какая тяготица его ждет, Хюльдар вынужден был напомнить себе, что иной альтернативы, кроме видео с котиками, у него нет.

Приступив к работе – просмотру старых дел в надежде отыскать связь с руками или ампутациями, – Хюльдар невольно улыбнулся про себя. Похоже, Гвюдлэйгюр в своей наивности свято верил, что его старший коллега вот-вот сотворит чудо. Парень снова и снова выглядывал из-за монитора, вероятно, ожидая скорого решения. К сожалению, его желаниям не суждено было сбыться. Что-то подсказывало Хюльдару, что они столкнулись с редким и действительно трудным случаем. В Исландии большинство насильственных преступлений раскрывались в тот же день или в течение сорока восьми часов. Он не сомневался в конечном успехе, но подозревал, что до конца еще очень и очень далеко.

Глава 5

В школьном фойе их встретила табличка с написанным большими буквами изречением: «Образование для всех и для каждого». Хюльдар пришел не за этим – ему был нужен кабинет директора.

Фрейя заметила другую табличку, с буквами поменьше, которая направляла посетителей именно туда – и к туалетам. Направляемые стрелкой, они вошли в длинный коридор, который вел в святая святых, офис верховной власти и обитель ужаса для учеников. Возможно, в конце коридора его поместили для того, чтобы последние, по пути туда, успели в должной мере проникнуться страхом и благоговением.

Чувство это было хорошо знакомо Хюльдару со школьных дней. Обрывки воспоминаний нахлынули бурным потоком: пенал, набитый засохшими фломастерами, огрызки карандашей, точилка и ластик, ранец с невыполненными домашними заданиями, ланч-бокс с огрызками яблока и крошками от сэндвича, учебники с загнутыми уголками страниц, которые никогда не открывались.

Если не считать поскрипывания напольного винилового покрытия под ногами, единственным звуком, который они слышали, было эхо голосов в классных комнатах. На стенах висели выполненные на дешевой переработанной бумаге любительские рисунки клеток и амёб. Хюльдару смутно припомнилось, что и он однажды делал что-то такое по биологии. Только ему, в отличие от этих детей, не доставало усидчивости раскрасить свое творение.

В коридоре пахло сырыми куртками, кроссовками, универсальным клеем и моющими средствами. Тот же запах, что и в школе Хюльдара на востоке. Только теперь на ленту конвейера загрузили новую партию детишек, и теперь пришла их очередь смотреть в окно, пока учитель талдычит о мхах, спорах, наречиях и прочих подобных загадках.

Интересно, подумал Хюльдар, не о том ли думает сейчас и Фрейя. В отличие от него, она наверняка была примерной ученицей, такой же добросовестной, как девочки в его классе или его пять сестер, и никогда не приносила домой таких записок с жалобами на непослушание и ненадлежащее поведение, от которых родители Хюльдара багровели и впадали в раж.

Директор принял их в своем кабинете. За пятьдесят, с длинными тощими ногами и безвкусно широким галстуком, который должен был отвлекать внимание от расплывшегося живота, но свою роль безнадежно проваливал, он более-менее соответствовал ожиданиям Хюльдара. Взглянув на настенные часы, директор одобрительно кивнул – они показывали ровно десять минут десятого. Предложив гостям кофе, оказавшийся отвратительным водянистым напитком, он пригласил их в офис.

Хюльдар и Фрейя опустились на стулья с вмятинами, оставленными бесчисленным множеством людей, побывавших здесь до них и вынужденных год за годом выслушивать описания недавних проделок и выходов их недостойных отпрысков и грозные предупреждения о том, что будет, если они не исправятся. Сидение на этих стульях было равносильно пребыванию в литейной форме.

Директор положил руки на стол. Пальцы у него были длинные и тонкие, как и ноги.

– Надеюсь, полиция не думает, что я буду попусту растрачивать ваше время. Береженного бог бережет, так я всегда считал.

За обоих ответил Хюльдар.

– Всегда лучше сообщить о чем-то подозрительном. В данных обстоятельствах вы поступили правильно, независимо от того, есть реальная причина для беспокойства или нет.

Лицо директора расплылось в довольной улыбке. Судя по следу от молочной пенки на верхней губе, можно было предположить, что если гостям подсовывали жидкие помои, то персонал вкушал капучино.

– Итак, чем могу вам помочь? Время меня немножко поджимает, так что давайте перейдем к делу.

Хюльдар не заставил просить себя дважды. Попав по прошествии лет в кабинет директора, он испытывал странное чувство.

– Сегодня я получил от эксперта-почерковеда подтверждение того, что письмо с угрозами, если его можно так назвать, написано тем же почерком, что и письмо, подписанное мальчиком по имени Трёстюр, учившимся в девятом «бэ». Мне хотелось бы знать, можете ли вы назвать фамилию этого мальчика и, если помните его, дать характеристику. Как я уже сказал вам по телефону, здесь со мной Фрейя, детский психолог из Дома ребенка, которая помогает полиции с расследованием. Как и я, она связана положением о конфиденциальности. – Хюльдар похлопал по подлокотнику соседнего стула, но попал по руке Фрейи, которая вздрогнула, словно от ожога.

Директор явно растерялся, хотя и попытался не показать этого.

– Понимаю. – Он подобрался, подтянулся, словно упоминание о конфиденциальности перевело разговор в некую более высокую плоскость. – Я подготовил списки учащихся за тот год и сейчас проверю по классам. – Он повернулся к монитору и осторожно подвигал мышкой. – Трёстюр, говорите... Трёстюр, Трёстюр... Так, вот он. Трёстюр Агнесарсон. Трёстюр Агнесарсон. Ага. Он. Ну конечно.

– Конечно?

– Прекрасно помню этого мальчика. Удивительно, что сразу о нем не подумал... Теперь, с позиции сегодняшнего дня, понятно, что это и должен быть он. Меня тогда только назначили, и учителя постоянно на него жаловались, хотя он тоже был новеньким. Обычно с новичками проблем не возникает. По крайней мере не с самого начала. Он стал исключением, да еще заслужил сомнительную честь первого трудного ученика, с которым мне пришлось иметь дело в должности директора. После него, конечно, было много других. Не уверен, что я запомнил их так же хорошо.

– У него были проблемы с поведением? – спросила Фрейя.

– Я бы так не сказал. Там было кое-что другое. Не обычный синдром дефицита внимания и гиперактивности. Ни дислексию, ни аутизм не диагностировали. Вызывающее оппозиционное расстройство не обнаружили. Нужно иметь в виду, что многие из этих диагнозов были тогда чем-то новым, так что сегодня результаты могли быть иными. В наше время специалисты с опытом легче распознают всевозможные синдромы и расстройства.

– Тогда почему его так часто к вам приводили? – поторопил директора Хюльдар. Никакие расстройства и синдромы его не интересовали, а если они интересовали Фрейю, то та, скорее всего, разбиралась в них лучше многих. Неприязнь к директору происходила отчасти из осознания того факта, что сам он, Хюльдар, вполне возможно, страдал в юности от такого же расстройства, но не получил никакой помощи. Кто знает, может быть, родился он позже, был бы сейчас доктором?.. Хотя, наверное, это чересчур; другое дело, что улучшение концентрации могло бы помочь ему поддерживать более стабильные отношения с окружающими.

– Как бы вам сказать... – Директор перевел взгляд с Фрейи на Хюльдара и обратно. – У него не было трудностей с концентрацией, учеба давалась ему легко – когда он брался за нее всерьез. Нет, его проблемы не имели прямого отношения к школе, к стычкам с другими учениками и преподавателями. В какой-то момент мы исчерпали все свои возможности и пригласили профессионала. Детского психолога, вроде вас. – Он смерил Фрейю оценивающим взглядом.

Слишком долгим, решил Хюльдар, – СДВГ⁵ директор определенно не страдал.

– И что? – поторопил он.

⁵ Синдром дефицита внимания и гиперактивности.

– Я не знаю, как у них это проходило. Они встречались вне школы. Если не ошибаюсь, я получил один-единственный отчет, в котором говорилось, что мальчику в скором времени полегчает. В докладе также содержался совет относительно того, как вести себя с ним, если мы столкнемся с дальнейшими проблемами. Но случилось так, что паренек ушел от нас до конца учебного года и стал проблемой для какой-то другой школы и какого-то другого директора.

– В чем это проявлялось? – Фрейя наклонилась вправо, как можно дальше от Хюльдара.

– Мальчик был... как бы это сказать? Угрюмым, наверное? Я не видел его веселым, счастливым, не помню, чтобы он улыбался. Смерть и зло – только это его и занимало. На его рисунках всегда присутствовали мертвецы, в сочинениях – казни и убийства. Учителя жаловались на него постоянно, приходили один за другим, так что дверь в мой кабинет почти не закрывалась. Я посмотрю сегодня, сохранились ли те его рисунки. Или сочинения. Тогда вы сможете судить сами. Рисунки были особенно показательны. Но я очень сомневаюсь, что кто-то их сохранил.

Работы Трёстюра определенно заслужили честь висеть на стенах в коридоре... Интересно, подумал Хюльдар, можно ли нарисовать мертвую клетку или амебу.

– Он с кем-нибудь дрался? С другими учениками или друзьями?

– Какие друзья? У него не было никаких друзей. Но, что странно, его никто не трогал, не задирал. Поначалу я думал, что это ребята у нас очень уж добросердечные, что они жалеют парня, сочувствуют ему и понимают, что у него проблемы психического свойства. Но потом – и на это не понадобилось много времени – стало ясно, что дело в другом. Они просто его боялись. Слишком боялись, чтобы цепляться к нему. Это о чем-то да говорит. Но он никого не тронул. Ни здесь, ни, насколько мне известно, где-либо еще.

– Вы говорите, психолог был настроен оптимистично и полагал, что его состояние со временем улучшится? – Фрейя вытянула шею, чтобы увидеть скрывшегося за монитором директора.

– Даже не знаю, можно ли считать вердикт таким уж позитивным. Они ведь прислали мне не столько итоговый отчет, сколько текущие замечания для нашего сведения. Помнится, там еще говорилось, что на поведение мальчика наложила отпечаток некая семейная драма. Но подробностей не сообщалось. Семья у него, если не ошибаюсь, была самая обычная. Из родителей только мать. Младшая сестра училась почему-то в другой школе. Ознакомившись с отчетом, я решил познакомиться с ним поближе. Пригласил мальчика к себе, начал расспрашивать, что и как дома, но он замкнулся, ни слова не сказал. Через какое-то время его мать уведомила меня, что до конца года сын будет обучаться дома, а осенью переведется в другую школу. Поскольку учебный год в любом случае уже заканчивался, я не стал возражать и закрыл глаза на его посещаемость. Тем более что и в школе в те последние недели без него стало гораздо спокойнее.

Ни Хюльдар, ни Фрейя ничего не сказали; обоим стоило трудов не выказать отвращение, которое вызвали у них откровения директора. Единственно ради удовлетворения собственного любопытства он затащил к себе мальчишку и попытался вывести возможные причины его несчастья. Ни к чему хорошему такое обращение, такое вторжение в чужую жизнь привести не могло, и, скорее всего, оно и стало причиной решения сменить школу.

Первым молчание нарушил Хюльдар.

– Так он, значит, перевелся в ближайшую школу? А вы знаете, как у него там сложилось?

– Нет, нет. Семья уехала, и его след потерялся. Могу сказать наверняка, они просто не могли нигде обустроиться. Насколько мне известно, они и к нам сюда приехали только в начале учебного года.

Если так, то, может быть, причиной переезда стало не решение директора устроить мальчику допрос третьей степени, а что-то другое? Недовольство местной школой было лишь одним из мотивов, заставивших семью сменить местожительство. Возможно, мать мальчика получила работу в другой части города. Возможно, они утратили права на дом. Будучи матерью-одиноч-

кой, она, вероятно, снимала квартиру, а съемщики в Исландии в безопасности себя не чувствуют.

– Мы можем ознакомиться с отчетом? – спросила Фрейя уверенным тоном, давая понять, что имеет на это полное право.

– Нет, боюсь, что нет. Документ почти наверняка отмечен как конфиденциальный, так что мне потребовалось бы получить разрешение написавшего его психолога. И, конечно, сам отчет еще нужно найти. Я вовсе не уверен, что он все еще в личном деле.

– Можно узнать имя психолога?

– Да, конечно. Полагаю, это было бы проще всего – мне не пришлось бы искать отчет, тратить время... У меня, как видите, и своих дел хватает.

Ничего такого Хюльдар не видел. Стол был чист, и телефон за то время, что они разговаривали, не зазвонил ни разу.

Директор повернулся к монитору.

– К счастью, я всегда, из предосторожности, сохраняю каждое полученное письмо. Раскладываю по годам, чтобы легче было искать. – Бормоча под нос, он подвигал туда-сюда мышкой и постучал пальцем по клавиатуре. – Как там ее звали? Гвюдлэйг? Гвюдни? – Казалось, директор разговаривает с собой, но он вдруг вскинул голову и посмотрел на Хюльдара и Фрейю. – Я ее найду, только дайте мне пару минут. Может быть, даже отчет найду, хотя, разумеется, предоставить его вам не смогу... В любом случае вам нужно поговорить с ней. У меня такое чувство, что она уже имела дело с Трёстюрором, когда тот был младше. На наш запрос социальные службы ответили не сразу, и задержка объяснялась тем, что та самая психиатр настояла, чтобы дело передали ей. Разумеется, она должна знать о пареньке больше, чем я. – Он снова повернулся к экрану. – Ну где же...

– Не спешите. Мы подождем.

Хюльдару и в самом деле спешить было некуда, как, похоже, и его спутнице. Когда он накануне связался с ней, она сразу же согласилась составить ему компанию. Поскольку теперь Фрейя даже не скрывала, что ей неприятно его общество, оставалось предположить, что согласилась она из профессионального интереса. Хюльдар пытался поймать ее взгляд, но она упрямо смотрела прямо перед собой. Он же не сводил с нее глаз, твердо решив доказать себе, что СДВГ у него никакого нет. Задача была не трудная: Хюльдар не только любовался красивым профилем Фрейи, но и получал немалое удовольствие, видя, как она ерзает под его взглядом.

– Ага! Вот он. – Директор оторвался от монитора. – Вы засекали время? Сколько прошло?

Хюльдар отвлекся от созерцания профиля спутницы.

– Э... нет. Но вы справились очень быстро. – Они определенно имели дело с человеком несколько эксцентричным; не таким эксцентричным, как его бывший ученик, Трёстюр Агнесарсон, но все же. Возможно, так сказывалась многолетняя работа с детьми, которых приходилось не только учить, но и воспитывать, имея в своем распоряжении довольно ограниченные средства для насаждения дисциплины. Хюльдар, наверно, спятил бы, если бы ему пришлось поддерживать общественный порядок, не опираясь на всю силу закона.

– Сольвейг Гюннарсдоттир – так зовут психолога.

Фрейя даже не попыталась записать имя. Возможно, у нее была прекрасная память, но что касается Хюльдара, то он знал, что имя вылетит у него из головы, как только он выйдет за порог школы.

– Мне записать? – спросил он.

– Не надо. Я работаю с ней. Она – психолог в Доме ребенка. У нее неполная ставка. – На Хюльдара Фрейя по-прежнему не смотрела.

Директор сложил ладони.

– Как удачно... Так мы закончили? Что-нибудь еще?

– Заберете оригинал? Вы упомянули, что письма будут выставляться, и мне они не нужны. Я сделал копию. – Хюльдар положил на стол неподписанное письмо Трёстюра и подтолкнул в сторону директора. Тот отпрянул, словно оно испускало радиацию.

– Господи, нет... Нет, нет, спасибо. Это на выставку не пойдет. Вы с ума сошли? Заберите его. Выбросьте или сделайте с ним то, что вы делаете с уликами, которые не относятся к делу. Думаю, мы и второе уберем, то, что подписано.

Хюльдар пожал плечами и забрал письмо.

– Когда открывается выставка?

– На следующей неделе. Мы готовимся показать все письма, включая фотокопии американских. Будет интересно. По крайней мере для тех, кто писал их десять лет назад. Между прочим, все они приглашены на открытие.

– Трёстюр тоже? – холодным как лед голосом спросила Фрейя. – Не станет ли для него сюрпризом отсутствие его письма? Того самого, подписанного?

– Он ушел из школы досрочно. Я собираюсь пригласить тех, кто остался до конца. – Директор сложил пальцы домиком. Девиз школы «Образование для всех и для каждого» в данном случае не применялся.

– Еще одно. Когда он пришел сюда, какую информацию вы получили из его предыдущей школы? Вы связывались с ними, когда стало ясно, что у мальчика серьезные проблемы?

Длинные пальцы директора сплелись в узел.

– Нет, не связывались. Вы не представляете, каким был мой первый год здесь. Всему приходилось учиться на ходу. К тому времени, когда выяснилось, что Трёстюр... что с ним что-то не так, он уже проучился у нас три месяца, став нашей проблемой. Я не посчитал нужным интересоваться, как он вел себя в другой школе. Понятно, что их подход не сработал.

– То есть поначалу он выглядел нормальным? Почти три месяца?

– Нет. Просто мы долго не могли понять, что с мальчиком действительно что-то серьезное, а не временное затмение. В конце концов, он был новичком, исключительно замкнутым и тихим. – Директор перестал перебирать пальцами, положил руки на стол ладонями вниз, словно собирался рассматривать собственные ногти. – А теперь, боюсь, наш разговор закончен. Я уже опаздываю кое-куда...

– А что его родители? Что они за люди и что говорили обо всем этом? – Фрейя определенно не собиралась отпустить его так легко. – Если не с отцом, то ведь с его матерью вы наверняка встречались.

– Конечно. Имейте в виду, его отца я не видел ни разу. Мать, если память меня не подводит, женщина тихая, даже робкая. Найти время, чтобы прийти в рабочие часы, у нее долго не получалось, а оставлять школу открытой по вечерам нам не позволяет финансирование. Но однажды она все же пришла. У меня сложилось впечатление, что она уже махнула на сына рукой. Если не считать того раза, мы общались только по электронной почте. – Прочитать сообщения или распечатать копии директор не предложил. – А теперь мне действительно надо бежать. – Он поднялся, поджав губы и показывая, что никакие вопросы больше не принимаются.

Хюльдар и Фрейя поблагодарили его и тоже поднялись, оставив на столе нетронутые стаканчики с кофе. Когда Хюльдар предложил забрать их, директор только махнул рукой и снова сел, будто вовсе и не спешил никуда.

Фрейя и Хюльдар уже выходили из школы, когда детей отпустили на перемену. Крики и оглушающий шум рвались за ними, так что они даже не пытались разговаривать, пока не пересекли игровую площадку в направлении автомобильной стоянки.

– Что думаешь? – спросил Хюльдар и оглянулся. Взгляд его задержался на нескольких учениках, стоявших поодиночке в стороне от орущей толпы. Таким же, наверное, был когда-то и тот чудак, Трёстюр.

– Не знаю. Когда я читала письма, мне все представлялось проще. Если директор не ошибается и Трёстюр действительно побывал у Сольвейг еще до того эпизода в школе, то вся ситуация представляется в более тревожном свете. На регулярной основе дети ходят к психологу лишь при наличии серьезной проблемы. Должно быть, с мальчиком что-то было не в порядке. Или с его ближайшим окружением.

– Достаточно серьезной, чтобы предположить, что он мог воплотить свои угрозы в жизнь? Или что-то столь же серьезное?

Фрейя наморщила лоб.

– Может быть, и нет. Мне хотелось бы встретиться с ним. После того, как поговорю с Сольвейг. Но имей в виду, что я не смогу поделиться информацией с тобой. Только в самых общих чертах.

Хюльдар уже забыл, какая чудесная у нее улыбка.

– Если, конечно, тебе повезет, – продолжала Фрейя, – потому что я могу вообще ничем с тобой не делиться.

– Ладно. Придется довольствоваться тем, что есть.

Она полезла в карман за ключами, а Хюльдар, наблюдая за ней, подумал, что, в отличие от большинства женщин, у Фрейи нет сумочки. Его сестры, когда устраивались где-то в полном составе, украшали сумочками не только все стулья, но и стол. Чаще всего на этих собраниях звучала такая просьба: «Ты не передашь мою сумочку?» И, разумеется, обращались с этой просьбой именно к Хюльдару. Возможно, именно это больше всего привлекало Хюльдара к Фрейе, ее непохожесть на его сестер. Он предпочел бы провести остаток жизни отшельником, чем связать жизнь с такой женщиной, как одна из них.

– Постараюсь отыскать Трёстюра. Информации хватает, и, если я найду его идентификационный номер⁶, остальное должно быть просто. Если хочешь, пойдем к нему вместе.

Хюльдар заметил, что машину она открыла ключом, а не с помощью пульта. Скорее всего, эта развалина появилась на свет в эпоху, предшествовавшую современным технологиям.

– Конечно. С удовольствием. А пока было бы не лишним проверить, есть ли на него что-нибудь в полиции. – Не пояснив, что именно имеет в виду, Фрейя села за руль и захлопнула дверцу.

Хюльдар проводил ее взглядом, после чего вернулся к своей машине, размышляя о том, что означает последнее замечание Фрейи и как связано с ним хмурое выражение на ее лице.

⁶ Исландский идентификационный номер – это последовательность из 10 цифр, 6 первых из которых обозначают день, месяц и год рождения человека.

Глава 6

Вернувшись после школы в Дом ребенка, Фрейя села и уставилась в окно. Еще один день, еще одна буря. День начался с того, что она выпустила Молли на задний дворик их многоквартирного дома. Квартира принадлежала ее брату Бальдуру, и Фрейя не планировала задерживаться здесь надолго, но вот прошел почти год, а ей так и не удалось найти себе подходящее жилье. В этом были свои «за» и «против». С одной стороны, она была избавлена от проблем, возникающих с арендой жилья; с другой – ей приходилось жить по соседству с людьми на задворках общества. Соседи не проявляли ни малейшего интереса ни к уходу за садом, ни к уборке площадки для мусорного контейнера, ни к содержанию в чистоте и порядке других общих мест. Они руководствовались более насущными приоритетами, вроде добычи очередной дозы, а не уборкой с пылесосом, щеткой и тряпкой.

Некоторое время назад Фрейя заметила пожелтевший листок, припиленный к стене в коридоре и оказавшийся графиком уборки на некий неопределенный – но явно давно минувший – год. Устав видеть повсюду грязь и запустение, она решила приступить к делу в указанные для квартиры Бальдура дни с надеждой, что пристыженные жильцы последуют ее примеру. Может быть, думала Фрейя, это даже повлияет на их отношение к ней, поскольку лишь немногие удостоивали ее кивком, а большинство, похоже, были бы только рады, если б она съехала. Но план не сработал. Пока Фрейя терла и мыла, соседи, один за другим, выглядывали из своих нор, дабы посмотреть, что же такое происходит. При виде пылесоса на лицах одних отражалось удивление и недоумение, на лицах других – жалость и даже негодование. Никакой благодарности за свои труды она не получила, и лишь очень немногие как будто заметили и оценили, что коридоры стали чистыми, а в мусоропроводе ликвидированы пробки. Тем не менее Фрейя твердо решила придерживаться давнишнего графика и проводить уборку, когда наступит ее очередь.

Может быть, когда весной она приведет в порядок сад, соседи потеряют к ней остатки уважения. Но зато у них с Молли будет своя лужайка. Большинство жильцов предпочитали проводить светлое время суток у себя в квартирах. Она вынесет на лужайку столик и стулья и будет греться на солнышке с чашечкой кофе, а Молли получит возможность заняться своими собачьими делами. Сидя спиной к дому, можно будет даже представить, будто она живет в каком-то другом, более приятном и полезном для здоровья окружении...

Когда Молли, побегав, вернулась, Фрейя была готова прыгать от радости – наконец-то можно отправиться на работу. В Доме ребенка было хотя бы тепло и хороший кофе. В квартире Бальдура гулял сквозняк, и кофеварка отказывалась готовить более или менее приличный напиток. Не будь погода столь ужасной, она отправилась бы в «Товары для дома» и купила новую. Но если какой-то жалкий ветер и снег встают между ней и хорошей чашкой кофе, то где же взять силы, чтобы повернуть свою жизнь?

Передняя дверь открылась, зазвучали и тут же, словно отрезало, умолкли голоса. Может быть, это ее шанс предпринять еще одну попытку поговорить с Сольвейг? Когда Фрейя вернулась из школы, коллега занималась с каким-то ребенком, и ей не оставалось ничего, как только развлечь себя чтением оценочной и сводной таблиц для ежегодного отчета. Ее бесило, что, получив приглашение помочь полиции, она почувствовала себя так, словно выиграла в лотерею. Хюльдар был последним человеком в мире, с которым ей хотелось бы ассоциироваться, но разве лучше просто сидеть здесь и смотреть в окно? Человеку нужно чем-то заниматься, иметь цель в жизни. Убирать в подъезде раз в два месяца места общего пользования – этого слишком мало.

Когда Фрейя снова заглянула к Сольвейг, за столом у той снова сидела какая-то женщина.

Тот факт, что приходящая сотрудница занимает офис, больший и лучше оборудованный, чем у Фрейи, говорил о многом, но она, чтобы не сыпать соль на рану, напомнила себе, зачем пришла сюда.

– Можно вас на пару слов?.. Дело касается мальчика, которого направляли к вам десять лет назад и, возможно, еще раньше.

– Десять лет назад? – Сольвейг нахмурилась, и ее лоб прорезали четыре глубокие бороздки. Седеющие волосы были стянуты назад и убраны в тугий узел, но больше в ее внешности не было ничего такого, что предполагало бы строгость; блекло-желтую блузку Сольвейг застегнула не на ту пуговицу, длинный коричневый кардиган косо висел на широких плечах. – Господи, так давно... я уже не помню. – Она махнула рукой, приглашая Фрейю войти, и на запястье у нее звякнули браслеты. – Но вы садитесь, садитесь. Должна признаться, я заинтригована.

Блузка у Фрейи была застегнута правильно, и одежда висела прямо. Рядом с Сольвейг она, как и в отношении к коммунальной уборке, ощущала себя чопорной формалисткой, мещанкой, слишком серьезно воспринимающей жизнь и упускающей все радости бытия. «Может быть, так оно и есть, – тут же отозвался ее внутренний психолог. – Может быть, пришло время отпустить тормоза и отвести душу, пусть даже твои прошлые попытки сделать то же самое закончились для тебя катастрофой. И если не пуститься во все тяжкие, то хотя бы уйти в загул...» Приближались выходные, и было бы неплохо собрать подруг и прошвырнуться по клубам. И пусть это будет первым шагом на пути к поставленной цели: возвращению в нормальную жизнь. Дома она сделает чашечку приличного кофе, устроится поуютнее на софе и посмотрит, какие курсы предлагает университет на следующую осень.

– Вы, наверное, не знаете, но меня попросили помочь полиции в одном довольно странном деле, имеющем отношение к мальчику, о котором идет речь...

Пересказывая печальную историю, Фрейя заметила, как чем дальше, тем больше мрачнеет коллега. Сольвейг действительно была не в курсе происходящего, что выглядело странным: обычно все проекты, в которых участвовали сотрудники центра, обсуждались в его стенах совершенно открыто, но в данном случае директор почему-то предпочла промолчать. Возможно, порученные ей дела были не настолько важны и интересны, чтобы обсуждать их совместно... Ожившее после обдумывания планов на уик-энд ощущение уверенности ослабело. Фрейе пришлось сделать над собой усилие, чтобы сосредоточиться.

– По словам директора школы, Трёстюра отправили к вам для постановки первоначального диагноза, и у него сложилось мнение, что вы уже встречались с мальчиком ранее и, возможно, даже занимались с ним, хотя никакой информации у него не было.

– О, это было так давно... – Сольвейг покачала головой, прищурилась и поджала губы, словно напрягая память. – Нет, не помню никакого Трёстюра. – Она вдруг улыбнулась. – Так что, по-видимому, ничего серьезного там не было. Трудные случаи обычно остаются в памяти, а проблемы мелкие, банальные, если их можно так назвать, забываются. Удивительно, что мы все до сих пор еще не на антидепрессантах. – Сольвейг снова улыбнулась, продемонстрировав далеко не идеальные зубы. Желать лучшего оставляла и улыбка, так и не добравшаяся до глаз.

Фрейя тоже блеснула зубами – с равной долей фальши.

– В те времена школы, должно быть, направляли к вам много детей?

– Смотря что вы понимаете под «много». – Отбросив притворную улыбку, Сольвейг вздохнула как человек, уставший от жизненной суеты. Фрейя так часто видела это выражение на лицах коллег, что порой была готова лезть на стену. Оно появлялось на их лицах само собой, подсознательно, когда они разговаривали между собой, словно чтобы подчеркнуть, как им тяжело и как мало им платят. Может, взять кое-кого с собой, если получится записаться на курс финансового трейдинга? – Конечно, иногда даже один проблемный ребенок – это уже слишком много, – добавила Сольвейг все с тем же измученным видом.

– Проблемы будут всегда, – сказала Фрейя, не желая подыгрывать коллеге. – Вы тогда занимались со многими детьми?

Сольвейг никак не отреагировала на ее бесцеремонность.

– Можно и так сказать. – Снова та же фальшивая улыбка. – У меня была своя собственная практика и договоры на оказание психологической помощи с четырьмя школами. Но я лишь устанавливала первоначальный диагноз проблемным детям и подросткам. Если выяснялось, что требуется лечение, их направляли преимущественно в Центр психиатрической помощи детям и подросткам. Мои отношения с ними ограничивались коротким контактом, так что если я не помню Трёстюра, то в этом нет ничего удивительного.

– Неужели? А я поняла так, что вы занимались с ним и раньше... Там не сказано, сколько лет ему было, но в любом случае речь, должно быть, шла о чем-то большем, чем первичный диагноз.

– Боюсь, я совершенно ничего не помню. Старею. – Очередная фальшивая улыбка продержалась недолго и исчезла, когда Фрейя не стала отвечать. – Если что-то вспомню, дам вам знать.

– Да уж, пожалуйста. – Фрейя приготовилась подняться. – Думаю, полиция в любом случае захочет поговорить с вами о мальчике и том периоде его жизни. В деле должны быть отчеты, так что можете освежить память. Вы ведь и сейчас подрабатываете в тех школах?

– Да. Но я очень сильно сомневаюсь, что отчеты хранятся так долго. – Ответ последовал чуточку слишком быстро. – По крайней мере, я сильно удивлюсь, если они отыщутся.

– Правда? – Фрейя так и не встала. – Разве отчеты уничтожаются по прошествии определенного срока?

– Нет. – Сольвейг уже избегала встречаться с Фрейей взглядами. – То есть я не знаю. – Она как будто растерялась и предприняла неуклюжую попытку выправить ситуацию. – Иногда десять лет ощущаются как целая жизнь, а что уж говорить о временах более ранних... Конечно, вполне возможно, что отчет все еще лежит где-то в системе. Но, учитывая общий объем дел подобного рода, мне такой вариант представляется маловероятным. Вот это я и имела в виду.

– Понятно.

Продолжить разговор или вернуться в свой офис? Закончить дела, а остаток дня погулять по Сети? Можно зарегистрироваться в «Тиндере», к чему всегда призывал ее брат. Бальдур сам таким способом познакомился с несколькими женщинами, которых, похоже, вовсе не настораживал тот факт, что он находится за решеткой. Если уж ему так повезло, то и ей, свободной как птица, должен выпасть шанс. Но вместо того, чтобы встать и уйти, Фрейя решила, что не даст коллеге так легко сорваться с крючка. Нет уж, этой своей болтовней Сольвейг не отделается.

– Хотя нет. Знаете, мне не совсем понятно, какое отношение имеют все эти изменения к отчетам. Они просто должны храниться в деле ровно так же, как хранятся карточки пациентов. Если систему регистрации модернизировали, это не значит, что существовавшие документы были уничтожены.

– Нет, конечно же, нет. Я что-то не то говорю... Разумеется, все отчеты должны где-то быть. Просто я не очень разбираюсь в таких делах. Я сдаю отчет, но что с ним происходит потом, после обработки, не представляю. А разве в школе не осталось копии?

– Директор утверждает, что не получил итоговый отчет, только общее резюме. Вам не кажется, что это как-то нелогично? Школа не имеет права знакомиться с материалами о психическом здоровье своих учеников.

– Конечно, не имеет. Должно быть, он получил краткое резюме с выводами, касающимися школы, – если для работы с мальчиком требовались особые процедуры... Что-то я сегодня плохо соображаю. Извините, что получилось немного сумбурно. Утро выдалось напряженным. Жаль, что не смогла помочь. – Сольвейг снова тяжело и устало вздохнула, но Фрейя снова не поддалась.

– Вы могли бы дать мне разрешение познакомиться с резюме, раз уж директор полагает, что сумеет его отыскать? Пока не найдутся отчеты, это лучше, чем вообще ничего.

Сольвейг растерялась и смутилась, хотя и постаралась это скрыть. Наверное, она пыталась найти причину для отказа, но ничего не получалось.

– Да, разумеется. Конечно. Думаю, это можно сделать. Я только хочу освежить в памяти тот случай и убедиться, что мы не нарушим режим конфиденциальности. Вас устроит немного позже на этой неделе?

Фрейя встала.

– Полагаю, придется подождать. Полиция, наверное, обратится непосредственно к вам по поводу других отчетов. Или, может быть, сделает запрос в Центр психиатрической помощи... Кто-то должен знать, как работает архив и как получить доступ к документам. Читать отчет сами полицейские вряд ли станут и, скорее всего, обратятся к вам. Или, раз уж на то пошло, ко мне.

– Так или иначе – посмотрим. – Сольвейг повернулась к компьютеру, положила полные руки на клавиатуру, и браслеты на ее запястье снова звякнули. – Спасибо, что дали знать.

* * *

За окном снова разбушевалась непогода. Что-то похожее творилось и у нее на душе.

Никого, кто устроил бы ее, Фрейя в «Тиндере» не нашла. Если не считать одного, который не считался. Она вышла на него сразу, он ответил, они обменялись любезностями. Но симпатичный тридцатилетний мужчина оказался девятнадцатилетним юнцом, что вскрылось, когда он поинтересовался, не пантера ли она, ищущая секса с парнем помоложе. Если да, он всегда готов.

Настроение от этого не улучшилось. Вместо того чтобы осадить мальчишку – мол, тридцатилетние женщины не так уж безнадежны, – Фрейя просто удалила сообщение. Если самые достойные холостяки не выстроились в очередь ради встречи с ней, значит, причину надо искать в себе. Ее собственный профиль вряд ли мог кого-то вдохновить. Практически она слямзила его у какой-то женщины, внеся лишь небольшие изменения, а фото взяла из офисного интранета. Камера телефона сломалась, а все фотки с телефона она выгрузила, чтобы освободить немного памяти... Ну почему все сразу идет не так?

В этот самый момент Фрейя получила уведомление о том, что кому-то понравилась ее фотография. Настроение скакнуло вверх, но держалось лишь до того момента, пока она не увидела, кто это. Хюльдар. Надо ж такому случиться... Почему она, прежде чем зарегистрироваться, не проверила, есть ли у него аккаунт? Могла бы и подумать...

Фрейя вздохнула. И где гарантия, что он не будет первым, кого она встретит, отправившись в запланированный на выходные поход по клубам? Досадуя на саму себя, она удалила аккаунт и вышла из Сети. Вот бы еще и компьютер выключить...

Не поддавшись этому порыву, Фрейя сердито уставилась в экран. Чем бы таким заняться, чтобы окончательно не испортить себе настроение? Ничего толкового в голову не приходило. Пейзаж, поставленный заставкой на рабочий стол, едва просматривался под файлами, сохраненными, словно назло, айтишником центра. Файлы были ей больше не нужны, связанные с ними дела давно закрыты. Выбор сводился к трем вариантам: пройти еще один круг онлайн-ового серфинга, обновляя все обычные веб-сайты в надежде, что они будут обновляться быстрее, чем она сможет их прочитать, или тупо таращиться на экран, спрашивая себя, почему жизнь вылетела в трубу. Третий вариант – попытаться найти объяснение странной реакции Сольвейг.

В конце концов третий вариант победил, и Фрейя, не задумываясь над тем, имеет ли на это право, вошла в интранет Комитета защиты детей и первым делом нашла идентификацион-

ный номер Трёстюра Агнесарсона. Фрейя не знала, где именно заканчивают свой путь отчеты школьных психологов, но, если есть возможность, почему бы не посмотреть? Если ее озабоченность судьбой мальчика имеет под собой основания, то он, предположительно, получил надлежащую помощь, и в таком случае она должна найти его в системе.

Фрейя знала, что все поиски отслеживаются, а значит, ее могли спросить, почему она просматривает старые файлы, касающиеся молодого человека, который не является ее клиентом. Такая перспектива несколько ее не пугала; положение в самом низу иерархической системы давало ей преимущество – дальше падать уже некуда. Кроме того, для прикрытия всегда можно сослаться на полицейское расследование. Да, ее не просили знакомиться с отчетами, но сообщать об этом всем подряд необязательно. А Хюльдар, если она правильно его понимает, ее поддержит.

Фрейя вдруг пожалела, что ушла из «Тиндера» вместо того, чтобы ответить на любезность любезностью и вежливо объяснить, что он ей не интересен. Теперь уже поздно.

Введя идентификационный номер, она обнаружила имя Трёстюра и дату, указывающую, когда его дело было впервые зарегистрировано в системе. Дата соответствовала информации из аккаунта директора школы – декабрь 2005 года. Мальчик только поступил в школу. Но уже вторая запись поставила ее в тупик. В первый момент Фрейя даже подумала, что это ошибка. Дата здесь стояла другая – 2001-й, и речь шла не о Трёстюре Агнесарсоне, а о Трёстюре Йоунсоне. Она сравнила идентификационные номера – те полностью совпадали. В какой-то момент между 2001 и 2005 годом мальчик перестал пользоваться патронимом и взял себе вместо него матроним⁷.

Итак, директор был прав: в поле зрения системы Трёстюр попал в начале января 2001 года, когда ему было восемь лет. Интересно, Сольвейг занималась его делом оба раза или только во втором случае? Подгоняемая волнением, Фрейя открыла список документов, связанных с идентификационным номером Трёстюра. И вытянула пустышку. Вот же досада... Похоже, теперь права была уже Сольвейг: старые отчеты, даже оцифрованные, кажется, пропали.

Фрейя нетерпеливо постучала пальцем по мышке. Как их найти? В голове все настойчивее звучала несправедливая и ничем не подкрепленная мысль. Что, если после их разговора Сольвейг вошла в систему и уничтожила документы? А потом сделала то же самое со своим отчетом?

Нет, невозможно. Конечно, нет...

Фрейя надела наушники и набрала номер айтишника в Комитете защиты детей.

В ожидании ответа она рассматривала его фотографию на веб-сайте. Фото помещалось для того, чтобы сотрудники агентства узнавали друг друга, даже работая в различных местах по всей стране. Авторы инициативы рассчитывали, что если люди будут помнить, с кем разговаривают, то и тон общения будет другой, более вежливый и уважительный. Как будто кто-то еще сомневается, что имеет дело с реальным человеком.

Айтишник возник на экране в образе студийного портрета. Если он есть на «Тиндере», подумала Фрейя, то пусть в его профиле будет другое фото.

– Вы уже очистили рабочий стол? – сразу перешел он к делу.

– Да, – соврала Фрейя после секундного колебания. – В нашей системе хранятся архивные материалы; вопрос такой: может ли кто-то уничтожить их удаленно?

– Да, это возможно. Но кто такое делает? – Ее собеседник помолчал. – Вы удалили что-то случайно?

– Нет, конечно, нет. Просто я искала кое-какие документы, которые должны там быть, но, похоже, исчезли.

⁷ Патроним образовывается от имени отца, матроним – от имени матери.

– Вы уверены, что они там были?

– Да. Должны были быть. В системе есть идентификационный номер клиента и два связанных с ним дела, но файлов нет. Ни одного. Разве не странно?

– Да, пожалуй... Если только они были.

– Я практически уверена, что были. – Фрейя помолчала, потом добавила: – Не могли бы вы проверить? Посмотреть, были ли они, скажем, вчера?

– Вчера?

– Да, вчера. Или на прошлой неделе. Или, раз уж на то пошло, в прошлом году. Решите сами. Но лучше всего вчера. – Она продиктовала идентификационный номер Трёстюра.

– О'кей. Я посмотрю. Подождите секунду.

Фрейя даже удивилась, что ей удалось так легко убедить его помочь ей.

– Спасибо. За мной должок.

– Оставьте себе. Мне платят как раз за то, чтобы разбираться с глупыми запросами.

На приманку Фрейя не клюнула. А в отместку пробежала взглядом по значкам на рабочем столе, довольная тем, что ничего не тронула. Иногда даже мелкие победы, вроде этой, поднимают настроение.

– Нет. Вчера ничего не было. Если хотите, загляну дальше...

– Нет, всё в порядке. Спасибо.

Итак, насчет Сольвейг она ошиблась. Но факт оставался фактом: было во всем этом что-то подозрительное. Что-то неправильное.

Глава 7

На подоконниках в гостиной выстроились дешевые пластиковые горшочки для цветов. С надеждой как-то перехитрить семена и убедить их, что уже пришла весна, Айса давно расталась. А когда все же заглядывала проверить, все выглядело так, как она и ожидала: никаких перемен, ничего, кроме голой бурой земли.

Наверное, оно даже и к лучшему. Если б семена дали всходы, а те выросли из горшочков, что бы она с ними делала? Зима не выказывала признаков слабости, а значит, и высадить их на открытом грунте было невозможно. В садоводстве Айса не разбиралась, а попробовать решилась, услышав разговор двух женщин, работавших вместе с ней в муниципалитете и рассуждавших о том, сколько они сэкономили, выращивая летние цветы из семян. Заразившись их энтузиазмом, Айса приступила к делу вскоре после Нового года. Отчасти причиной поспешности была усталость от суровой зимы – мысль о фиалках и бархатцах бодрила. Прошлым летом Айса так и не смогла порадовать себя цветочками на своем крошечном участке. Но теперь все выглядело так, что она выбросила деньги на ветер.

Айса постучала в большое окно, потом приоткрыла то, что поменьше, и окликнула игравших во дворе детей.

– Пора домой. Ужин готов.

Упакованные в куртки, шапки и шарфы, они обернулись и посмотрели на нее. Щеки у обоих горели на морозе. Между ними высился снежный холмик – предположительно, снеговик, слепить которого они собирались.

– Поторопитесь, а то все остынет, – добавила Айса в расчете на соседей, которые могли ее услышать. Ничего горячего, что могло бы остыть, у нее не было, если не считать горячим блюдом тосты. Да и какой смысл готовить что-то более трудоемкое, если дети все равно не оценят? К тому же горячее они получали ежедневно на обеде в саду. Так что на ужин им обычно доставались хлеб, скир⁸ и холодная ливерная колбаса. Ребят этот вариант устраивал, а раз так, то зачем что-то менять? Хватит того, что она подчинялась другим правилам, когда жила с Торвальдюр, выражавшим мнение – неизменно уничижительное – обо всем, что делали дети или она. Как он, должно быть, счастлив теперь, одинокий и свободный...

Карлотта и Дади неохотно потянулись через небольшую заснеженную лужайку. Шли они свесив руки, будто обледеневшие варежки тянули их вниз. Входная дверь открывалась прямо в гостиную. Именно наличие участка и толкнуло Айсу на рискованный шаг – купить квартиру, которая была ей не по средствам. Похвастать зарплатой она не могла, а став матерью-одиночкой, не могла и взять подработку. Было бы, конечно, практичнее – и по финансовым причинам, и ради душевного спокойствия (не пришлось бы жить в постоянном страхе, что какому-нибудь преступнику достаточно разбить окно, чтобы попасть в дом) – купить квартиру на втором или третьем этаже. Ей всегда нравился свежий воздух, но после переезда она уже не могла спать с открытым окном. Стоило только закрыть глаза, как ей виделась тянущаяся к фиксатору рука. Очарованная садиком, она почему-то не предусмотрела такие сложности и думала только о том, как Карлотта и Дади будут играть на лужайке под ее присмотром.

Вслед за детьми в открытую дверь хлынул поток холодного воздуха. Пока они отряхивались, коврик у порога успел покрыться снегом. И не только коврик, но и паркет. Тем не менее Айса сдержалась и не выказала раздражения. Будь сейчас рядом Торвальдюр, обязательно пробурчал бы что-нибудь насчет лужицы на полу. Но и пальцем не пошевелил бы, чтобы помочь.

⁸ Скир – традиционный исландский молочный продукт, нечто среднее между сметаной и творожной массой.

А ведь он звонил сегодня, вспомнила Айса. Пять раз – должно быть, что-то важное... Она была на работе и даже не подумала ответить, потому что его звонки ничем хорошим не заканчивались. А еще ей совсем не хотелось, чтобы их перебранку слышали коллеги.

– Вымойте руки, а потом приходите поесть. – Айса собрала валявшуюся на полу мокрую верхнюю одежду, отнесла ее в прихожую и стала развешивать на крючки. Потом убрала из-под одежды обувь, чтобы та не промокла от тающего снега. Телефон зазвонил ровно в тот момент, когда Айса раздумывала, куда бы повесить вязаную шапочку с помпоном и эмблемой «Манчестер Юнайтед»⁹, которую Торвальдюр привез Дади после конференции в Англии за месяц до того, как она заявила, что хочет развестись. Шапочка выпцвела и изрядно обтрепалась, но Дади упрямо отказывался надевать что-либо еще.

– Мама! Твой телефон звонит! Наверное, папа. – Дади разволновался, но из-за чего? Обрадовался из-за того, что отец пожелал поговорить с ними, или испугался, что придется выслушивать еще одну родительскую ссору? Точнее, одну сторону ссоры, потому что папу ни он, ни Карлотта не услышат. Оно и к лучшему. Бедным детям и без того досталось с избытком.

– Не отвечай! – Айса сунула шапочку в капюшон ближайшей куртки и поспешила в кухню, чтобы не дать сыну или дочери ответить на звонок. Когда она вошла, Дади стоял, держа телефон возле уха, с таким видом, будто парламент только что принял закон, отменивший его день рождения. – Дай сюда. Телефон, Дади, дай его мне. Живее. – Сын нахмурился, и она тут же пожалела, что повысила голос. Он протянул телефон.

– Мы ужинаем, Вальди. Это не может подождать? – Айса изо всех сил старалась выдерживать вежливый тон. Дети не спускали с нее глаз. Они стояли вместе и, похоже, не собирались садиться, хотя скудный ужин уже ждал на столе. От волнения Айса даже назвала бывшего уменьшительным именем, хотя после развода твердо решила никогда не обращаться к нему иначе, чем Торвальдюр. Даже мысленно.

– Ответила бы раньше, и мне бы не пришлось звонить сейчас. – Торвальдюр мог позволить себе выплеснуть злость, поскольку его дети не слышали. Впрочем, он мог бы не сдержаться, даже если б они стояли перед ним. Так бывало уже не раз.

К счастью, экс-супруг, похоже, не заметил ее оплошности с именем. Не хватало только, чтобы он подумал, будто она все еще питает к нему нежные чувства...

– Я была на работе, и тебе прекрасно известно, что я не люблю отвечать на частные звонки, когда нахожусь в офисе.

– Хочешь сказать, ты только-только вернулась домой? – В его голосе прозвучала так хорошо знакомая ей нотка сарказма.

Айса не собиралась – к его удовольствию – перечислять все то, что ей пришлось делать после работы: мчаться в сад, чтобы успеть в положенное время забрать детей, тащить их через толпу в супермаркете после покупки самых дешевых продуктов, ехать домой, заносить в квартиру покупки и загонять туда же детей, снимать с них верхнюю одежду, раскладывать покупки, поить детей чаем, помогать им снова одеться и выпускать на улицу, закладывать вещи в стиральную машину и готовить что-то на ужин. У нее и минуты лишней не было, чтобы перезвонить. Но любое упоминание о трудностях в повседневной жизни прозвучало бы музыкой в его ушах, так что Айса сочла за лучшее не отвечать на вопрос.

– Что тебе нужно, Торвальдюр?

– Что мне нужно? Просто знать, что вы в порядке. Не ты, понятное дело, о тебе я беспокоюсь меньше всего. Я спрашиваю о Карлотте и Дади. У них все хорошо?

В какой-то момент до Айсы вдруг дошло, что ее бывший и впрямь обеспокоен. Никогда раньше никаких тревожных ноток в его голосе она не слышала, и теперь заволновалась сама.

⁹ Название популярного английского футбольного клуба.

– Ты что имеешь в виду?.. Да, конечно, у них все хорошо. А почему ты спрашиваешь? Что-то случилось?

– Нет, ничего. Просто хотел узнать. – Секунду-другую Торвальдюр молчал, а потом продолжил уже совершенно не свойственным ему просительным тоном. – Ты ведь присмотришь за ними, да?

– В чем дело? Скажи мне. – Айса одернула себя: «Следи за тем, что говоришь». Карлотта и Дади уже смотрели на нее широко открытыми встревоженными глазами. Снять напряжение она попыталась, перейдя на более спокойный тон. – У нас ничего не случилось. Вообще ничего.

– Присмотри за ними. Пообещай мне.

Да что же такое со стариной Торвальдюром? С самоуверенным типом, привыкшим раздавать указания налево и направо? Представить, что он способен просить кого-то о чем-то, было невозможно.

– Я всегда это делаю. И давать тебе какие бы то ни было обещания не обязана. – Отвернувшись от детей, Айса торопливо вышла из кухни и прошептала в трубку, чтобы они не слышали: – Что происходит? Им кто-то угрожал? – Сначала она подумала, что, может быть, самому Торвальдюру угрожал какой-нибудь преступник, которого он отправил за решетку. – Если да, ты должен мне сказать.

Теперь просила уже она, так что их отношения возвращались к прежнему статусу.

– Не о чем говорить. – Ему никак не удавалось переключиться на нормальный тон. – Совершенно не о чем. Обязательно скажи им, чтобы не разговаривали с незнакомцами и не ходили никуда с людьми, которых не знают. – Он помолчал, и пауза помогла ему успокоиться. – И отвечай, когда я буду звонить в следующий раз. Не такая уж важная у тебя работа, что нельзя отвлечься на две минуты и поговорить со мной. – На этом Торвальдюр дал отбой.

* * *

Ужин прошел в молчании. Айса пресекала все попытки детей выведать, чего хотел их отец, а поскольку ни о чем другом они думать не могли, то и говорить было не о чем. Сама же она так разволновалась, что разрядить атмосферу просто не могла. Как бывало всегда, от беспокойства и тревоги у детей в первую очередь страдал аппетит, и ей пришлось прикрикнуть на них, чтобы на тарелках ничего не оставалось. Оба – и Карлотта, и Дади – родились худышками, у них не горели румянцем щеки, как у других детей, а поскольку они не накопили того, что называют щенячьим жиром, то и пропустить прием пищи им не позволялось. Оба пошли в отца, и, глядя на них, можно было подумать, что он произвел их на свет сам по себе. Если б не их темперамент. Они были мягкими, послушными и редко злились. В отличие – по крайней мере, в этом отношении – от отца.

Но кто знает, может быть, он был жизнерадостным ребенком?

– Спокойной ночи. – Остановившись на пороге, Айса протянула руку к выключателю. На столике между кроватями она поставила красную лампу, чтобы детям было легче уснуть в ее мягком свете. Их маленькие личики выглядывали из-под одеял, в широко раскрытых глазах застыло беспокойство.

– Спокойной ночи, мамочка. Мы обещаем не садиться в машину с плохими дядями. – Карлотта блекло улыбнулась. – Дади тоже обещает.

Айса улыбнулась в ответ, уже пожалев, что предупредила детей перед сном. Неудивительно, если они проснутся от кошмаров. С другой стороны, может быть, оно и к лучшему, если предупреждение лучше запомнится.

– Не только с дядями, дорогая. Бывают и плохие тети. Не забывайте об этом. – Вероятность того, что дети пострадают от женщины, а не от мужчины, была ничтожной, но упоминать

об этом Айса не стала. Пусть будут осторожны со всеми чужаками. – Отличить плохих людей от хороших бывает не так-то просто.

От такой новости глаза у них полезли на лоб.

– Ну ладно, хватит. Спать, спать. – Она вышла и закрыла за собой дверь, оставив узкую щелочку.

Выждав какое-то время и убедившись, что дети уснули, снова взяла телефон и набрала номер Торвальдюра, намереваясь потребовать от него объяснений. Что, в конце концов, происходит? Она имеет право знать. Это же справедливо. Однако Торвальдюр не ответил. Наверняка умышленно, чтобы наказать ее за то, что она не брала трубку, когда он звонил ей на работу. Айса повторила попытку еще несколько раз, но с тем же успехом. Спать она легла в том же неведении относительно происходящего, что и после разговора с Торвальдюром.

Сон, однако, не шел, и чем больше она ворочалась и крутилась, тем активнее множились тревоги и беспокойства. Дважды Айса вставала среди ночи, чтобы проверить, надежно ли закрыто окно. Во второй раз на глаза ей попался припаркованный неподалеку незнакомый автомобиль, которого не было здесь еще полчаса назад. В темноте он казался то ли черным, то ли синим, и определить его модель вряд ли мог бы человек, не интересующийся автомобилями. Если бы ее попросили описать его, она сказала бы, что он похож на те машины, которые рисуют дети: четыре колеса, четыре дверцы, капот и багажник. Но подпитывали и раздували ее тревогу не форма и цвет, а невесть откуда возникшая уверенность, что за рулем кто-то есть. Сомнения оставались, но воображение заполняло лакуны, и, когда усталость наконец сморила Айсу, она уже убедила себя, что он смотрит на ее окно. Или, что еще хуже, на окно детской.

Проснувшись в очередной раз уже под утро, она обнаружила, что загадочного автомобиля на месте нет.

Глава 8

Две жалкого вида фигуры спустились по ступенькам полицейского участка на Квервис-гата; одна, в мятом костюме, держалась нерешительно и застенчиво, другая была в обычной повседневной одежде, выдавшей лучшие дни. Не готовые к суровой зимней погоде, оба дрожали в тоненьких курточках. Имея за спиной солидный опыт службы в полиции, Хюльдар знал, что именно в это время выпускают тех, кто провел ночь в камерах. Ни одного из них он раньше не видел, но мог бы сказать, что парень в грязноватых заношенных джинсах здесь не впервые, тогда как второй, одетый и выглядящий поприличнее, попал сюда случайно и сейчас переживает шок, который, возможно, подтолкнет его к тому, чтобы взять себя в руки. По крайней мере, он уже оглядывался тайком, проверяя, нет ли поблизости знакомых, которые могли бы стать свидетелями его унижения. Второму на такие детали было наплевать. Он даже задержался на ступеньках и, выудив из кармана сигарету, закурил.

Через минуту оба скрылись за густой снежной пеленой.

Хюльдар потушил и выбросил свою сигарету и взбежал по ступенькам. Во внутренней планировке он ориентировался, а потому только кивнул дежурному и прошел дальше. Тот, к кому он пришел, Гвюдмюндюр Лаурюссон, занимал тот же офис, что и тогда, когда Хюльдар только поступил в полицию, и, по всей видимости, собирался оставаться в нем до выхода на пенсию. Другими словами, не так уж долго. Дверь была открыта, но Хюльдар из вежливости постучал.

– Не вовремя?

Гвюдмюндюр поднял голову, и Хюльдар на мгновение потерял дар речи. Господи, как же он состарился... Сквозь жидкий клочок седых волос просвечивала тонкая, с пигментными пятнами кожа. Густые темные брови, некогда придававшие лицу характер, выцвели и торчали клочками.

– Чтоб мне провалиться! Хюльдар! Нет, быть того не может... Входи, входи. – Гвюдмюндюр откинулся на спинку стула и бросил ручку на стол.

– А ты помолодел за год. – Улыбнувшись бывшему боссу, Хюльдар опустился на стул.

– Чушь. О тебе то же самое сказать не могу. Что они там, в полицейском комиссариате, с тобой делают?

– Верхом ездят, – Хюльдар усмехнулся. – Если так пойдет дальше, я тебя скоро догоню.

Гвюдмюндюр хмыкнул.

– Ты с дружеским визитом? Мне угостить тебя кофе? Или по полицейским делам? В таком случае налей себе сам.

– По полицейским. И я еще не забыл, какой здесь дрянной кофе. Так что не беспокойся.

– Беспокоит меня многое, но только не твое желание или нежелание выпить кофе. – Гвюдмюндюр сложил руки за головой. – Ладно, выкладывай. Чем могу помочь?

– Хороший вопрос...

Хюльдар вкратце пересказал успешную надоесть историю о временной капсуле и причине полицейского расследования. Гвюдмюндюр слушал коллегу, и его седые брови ползли выше и выше по морщинистому лбу. Была ли то реакция на сам рассказ или на то, что он тратит время на столь мелкие дела, Хюльдар не знал и лишь надеялся, что верен не второй вариант.

– ...И я обратил внимание на то, что, хотя никаких проблем с полицией у Трёстюра прежде не было, сталкиваться с законом ему приходилось уже в детстве. Что-то случилось в декабре двухтысячного, когда ему едва исполнилось восемь лет, и это довольно странно. По крайней мере, так это выглядит, судя по записи в Информационной системе, к которой я не имею доступа. То есть я предполагаю, что запись касается его, хотя тогда он носил фамилию отца, а не матери, как сейчас. Идентификационный номер один и тот же. Раньше я никогда

таких отказов не получал, а здесь, чтобы прочитать документы, требуется специальное разрешение. Может, потому что мальчишка был тогда несовершеннолетний, отсюда и вся эта бюрократия... В общем, я хотел спросить, не проверишь ли ты для меня эти документы. Как старшему офицеру допуск тебе наверняка дадут.

С одолжением, о котором просил Хюльдар, все было не так просто, как могло показаться. В последнее время несколько служащих полиции предстали перед судом по подозрению в получении доступа к базе данных полиции без уважительной причины. И хотя всех оправдали, пользоваться базой стали заметно реже и только в тех случаях, когда без этого было не обойтись.

Гвюдмюндюр задумчиво кивнул.

– Ты и сам мог бы это сделать, если б тебя не понизили.

– Понимаю. Но что есть, то есть, и ничего уже не изменишь. Вот только когда такое случается, тогда и жалеешь немножко, что не всё в твоих руках, – признался Хюльдар, надеясь, что получилось искренне и убедительно.

Его бывший босс пожал плечами.

– Надеюсь, ты не обидишься, если я скажу, что удивился, когда услышал о твоём назначении. И почти не удивился, когда тебе дали коленкой под зад. Хотя, конечно, мне и в голову не приходило, что это случится так скоро. Ты знаешь, что побил рекорд Исландии? Возможно, даже европейский. А то и мировой. Неплохо получилось. – Улыбка на его усталом лице погасла. – А ведь было немало таких, кто злорадствовал... Даже среди тех, кто работал с тобой. Но не я.

– Мне и в голову не пришло бы, что ты с ними. – Начальник из Хюльдара, может быть, и не получился, но в людях он разбирался неплохо и сам мог бы назвать имена тех, кто радовался его низвержению. – Ладно.

Ты лучше скажи, сможешь посмотреть для меня те документы?

Некоторое время Гвюдмюндюр сидел молча, задумчиво наклонив голову набок.

– Ты же знаешь, что каждый вход в систему фиксируется. И что я скажу, когда спросят, зачем я это делал?

– Лучше всего ответить честно. Сказать, что я попросил помочь в расследовании. В моем департаменте все буквально с ног сбились. У кого есть допуск, те заняты по горло. Так оно, в общем-то, и есть.

– Заняты тем делом с отрубленными руками?

– Да. – Хюльдар поерзал, пытаясь устроиться поудобнее в кресле, давно пережившем срок годности. Гвюдмюндюр был не из тех, кто просит заменить служебную мебель. – Все уже в курсе?

– В кафетерии только об этом и говорят.

– Этого и следовало ожидать, – вздохнул Хюльдар. Если так пойдет дальше, то скоро о случившемся пронюхает и пресса. Впрочем, в этом был как негативный момент, так и позитивный. Первый заключался в том, что Эртла, если не раскроет дело в ближайшие несколько дней, попадет в категорию некомпетентных следователей; второй давал надежду на то, что широко распространившаяся новость могла бы помочь выявить жертву, человека, лишившегося обеих рук. Может быть, полиции уже стоит обратиться к горожанам за содействием в поиске жертвы... – Что ж, если утечка информации уже случилась, то в наших объяснениях никто не усомнится. То есть если ты согласишься оказать мне эту услугу.

– А не лучше ли нам держаться вместе? Двое против остального мира? – Гвюдмюндюр коротко, но совсем не весело хохотнул. – Не представляю, кто от этого пострадает. Но имей в виду, распечатывать ничего не стану, так что придется читать с экрана.

Хюльдара такой вариант устраивал. Он продиктовал идентификационный номер Трёстюра, а Гвюдмюндюр впечатал его в строку. На экране появилось имя, но никаких документов

или вообще чего-то полезного не было. Только надпись «в доступе отказано», появлявшаяся на мониторе самого Хюльдара.

– Попробуй еще раз. – Попытка закончилась с тем же результатом. Хюльдар выпрямился и разочарованно покачал головой. – У меня было то же самое.

– Странно... Никогда с таким не сталкивался. Ты ведь регистрационный журнал проверил?

Регистрационный журнал представлял собой базу данных информации общего характера о жалобах, привлечших внимание полиции. Само его существование многократно вызывало критику по причине отсутствия надежной защиты. В отличие от официальной информационной системы, здесь не существовало четких правил пользования, для доступа не требовалась регистрация. В базе журнала хранились имена не только преступников, но также свидетелей и вообще всех, кто давал показания в суде. Информация из журнала не удалялась. В настоящее время в нем упоминались триста тысяч человек, многие из которых уже умерли. Хюльдар попытался найти в нем Трёстюра, но результат оказался нулевым. Похоже, мрачные предсказания Фрейи не сбывались.

– Я ничего там не нашел. Может, его и вовсе нет в системе?

– Если б его не было, то и ответ на запрос был бы другой – «данных не найдено». Все указывает на то, что полиции о нем известно, но доступ к информации закрыт. Такое могло случиться при переносе данных из одной системы в другую. С тех пор как Трёстюру исполнилось восемнадцать, там несколько раз проводили апгрейд.

– И что это значит? Что документы потерялись?

Поджав упрямо губы, Гвюдмюндюр сократил поиски до одного только имени, но на результате это не отразилось.

– Думаю, печатная копия все же должна где-то существовать. Но чтобы получить ее, нужно оформить запрос. Просто так никто, какого бы звания ни был, зайти в архив и копаться там не может. По крайней мере, я не могу. – Он откинулся на спинку кресла, нахмурился – и как будто помолодел, стал собой прежним. – Что-то во всем этом есть... что-то дурно пахнущее. Такое впечатление, что документы скрывают намеренно.

– Зачем? Кому это нужно?

– Понятия не имею. У меня это имя никаких ассоциаций не вызывает. Если он как-то прославился или имел отношение к чему-то важному и значительному, из-за чего ему пришлось потом скрываться, то имя я в любом случае узнал бы. А я не могу узнать.

– И я тоже. – Хюльдар запустил пальцы в шевелюру. Пора, однако, постричься. И сделать это надо побыстрее, пока Эртла в приказном порядке не отправила его в парикмахерскую. С другой стороны, от одной только мысли о походе в парикмахерскую у него начинало портиться настроение. Да и какое дело Эртле до его прически? – Наверное, придется подавать официальный запрос на допуск к файлам.

– Да. Но это, как тебе известно, займет какое-то время. У меня такое впечатление, что парни в архиве немножко тормозные. – Гвюдмюндюр закрыл базу. – На твоём месте я навел бы парня. Порасспрашивал бы, что и как, вывел разговор на прошлое... Кто знает, может быть, ты получишь все ответы еще до того, как откроются файлы.

Хюльдар кивнул. Конечно, до встречи с парнем хотелось бы получше узнать его подноготную, но, похоже, рассчитывать на это уже не приходилось.

– Ладно. Спасибо за помощь.

– Извини, что не получилось. Печально, что в последнее время такое случается все чаще.

Гвюдмюндюр взял ручку, придвинул к себе какую-то бумагу, склонился над ней и, не поднимая головы, добавил:

– Держи меня в курсе. На этот стол ничего интересного уже давненько не попадало.

Пообещав не забывать, Хюльдар попрощался и вышел, утешая себя тем, что потеряно еще не все. Может быть, Фрейе повезет больше, и она отыщет что-то в архиве Комитета защиты детей...

* * *

Обветшалое здание напомнило Хюльдару запущенный квартал, в котором жила Фрейя, хотя, конечно, это мнение он оставил при себе. Она, похоже, никакого сходства не заметила. Никому, наверное, и в голову не пришло бы, что Фрейя живет в такой дыре. И она определенно не производила впечатления женщины, ограниченной в средствах. На блондинистых волосах, стянутых назад и убранных в тугой высокий хвост, поблескивали тающие снежинки. Все чисто, аккуратно, изящно. Лишь усилием воли Хюльдар заставил себя отвести взгляд, понимая, что откровенным любованием может лишь все испортить. Он уже пытался подкатиться к ней в «Тиндере», и закончилось это тем, что Фрейя просто удалила аккаунт. Хюльдар не стал спрашивать, что и почему, и она тоже эту тему не поднимала. Есть вещи, которые лучше не вытаскивать на свет. Хватит с него и того, что она с готовностью согласилась составить ему компанию и даже не стала предлагать перенести визит к Трёстюру на завтра или даже на более позднее время. Возможно, сыграло роль и то, что разговор он начал с упоминания о пропавших файлах. Фрейя в свою очередь сообщила, что в компьютерной системе Комитета защиты детей они не сохранились.

Похоже, Гвюдмюндюр был прав, когда сказал, что вся эта история дурно пахнет.

– Так он, значит, живет здесь с матерью и сестрой? – Фрейя окинула взглядом трехэтажное здание. Вопрос был риторический – Хюльдар уже рассказал ей все, что узнал о нынешнем положении Трёстюра. Молодой человек вовсе не обрадовался предложению встретиться, но в конце концов согласился. Было немного странно, что он не поинтересовался целью визита и только сказал, что его матери и сестры не будет дома, и, если гость хочет поговорить с ними, ему лучше прийти к ужину. Ответ на вопрос, почему он решил, что полицейский желает увидеться и с ними, Хюльдар надеялся получить в ближайшее время.

– Похоже, живется им нелегко, – заметила Фрейя и повернулась к спутнику. – Странно, почему он не согласился сам прийти в полицию. На его месте я бы так и сделала.

Хюльдар смущенно улыбнулся. Фрейя явно не понимала, что ее многоквартирный дом ничем не лучше этого.

– Сказал, что машины у него нет. А ехать в такую погоду на автобусе ему, наверное, не захотелось.

Фрейя посмотрела на затянутое серыми тучами небо.

– Ну, сейчас-то снег не идет.

Хюльдар подошел к двери. Латунная пластинка и маленькие черные кнопочки на ней определенно помнили шестидесятые, и он даже засомневался, что звонок работает. Может быть, Трёстюр и не собирался их впускать. Рядом с большинством кнопок не было ничего, и только возле одной прилепилась пожелтевшая карточка с именами Трёстюра, его матери Агнес и сестры Сигрун. Хюльдар дважды нажал на кнопку. Подождал. И уже собирался повторить, когда дверь заудела.

Вестибюль и лестница вполне соответствовали ожиданиям: морщинистый линолеум и грязные стены. Слабый запах кошачьей мочи усилился ко второму этажу, но, к счастью, пропал, когда Трёстюр открыл дверь.

Ни представляться, ни здороваться, как принято с гостями, он не стал и сразу предупредил:

– Давайте побыстрее, потому что мне нужно уходить. – Лицо его не выражало ни приветливости, ни враждебности. – У меня пятнадцать минут. И ни секундой больше.

На тыльной стороне его ладони красовалась татуировка, выполненная декоративным готическим шрифтом. Прочитать перевернутую надпись Хюльдар не смог, но решил, что это латынь, какое-то классическое изречение, автор которого и представить не мог, что оно появится на руке некоего исландца по прошествии более чем двух тысяч лет. Уже когда Трёстюр впустил их, Хюльдар заметил похожую татуировку на другой руке. Наколкам соответствовал и выбранный им стиль одежды: обтягивающие черные джинсы и свитшот с анархистским символом, подчеркивавший его худобу; огромные кольца в ушах, пирсинг в носу. Зачесанные вперед волосы свисали по обеим сторонам лица, на густо смазанных гелем прядях отчетливо виднелись следы расчески.

Повидавший достаточно вариаций этой моды Хюльдар знал, что таким способом физически слабые люди стараются казаться крутыми.

Протягивать руку он не стал – знал, что жест останется без ответа.

– Я – Хюльдар. Это – Фрейя. Постарайтесь побыстрее.

Не предлагая снять пальто, Трёстюр провел гостей в комнату. Хюльдар и Фрейя переглянулись и по молчаливому согласию разулись, о чем пожалели, увидев бурые от грязи плитки в прихожей. Оба подумали, что, вернувшись домой, придется менять носки.

Клетчатый ковер в коридоре лишь подтвердил их опасения. Выглядел он даже постарше квартиры и местами протерся чуть ли не до дыр, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что его недавно пропылесосили. На дешевых полках и выдавшем вида комод, мимо которого они проходили, недавно вытерли пыль. Хюльдар мог бы поспорить, что домашнюю уборку выполнили женщины – пылесос и метелка никак не вязались с образом панка.

– Можете сесть, если хотите, хотя оно того не стоит. – Трёстюр расчистил для гостей место на диване, развернутом к огромному, новому на вид телевизору с плоским экраном. Сбросив все лишнее на пол, он сел в кресло. – Я все об этом знаю – но не знаю, чего вы хотите достичь. Постарайтесь остановить меня, чтобы не наделал глупостей? И как вы планируете это сделать? А я вам скажу – никак.

Хюльдар ответил не сразу. Прежде всего, он и подумать не мог, что Трёстюр все еще помнит о том давнем письме через много лет. Возможно, кто-то ему напомнил. Но кто? Директор или кто-то еще из школы, случайно встретившийся где-то в городе... И наверняка Трёстюр не мог помнить точной даты вскрытия временной капсулы. Если только не сожалел о написанном. Если только совесть не грызла его все эти годы. Известны ведь случаи, когда человек, солгавший в суде, приходит через много лет и сознается во лжи. Может быть, и здесь что-то похожее...

– Мы лишь собирались спросить, зачем вы написали то письмо и кто те люди, что упомянуты в списке.

– Письмо? – в замешательстве спросил Трёстюр. – Вы о чем? Что за бред?

– Я имею в виду письмо, которое вы написали десять лет назад, когда учились в старой школе. Письмо, которое вы положили во временную капсулу, недавно вскрытую. Письмо, в котором значились инициалы людей, которые, как предполагалось, должны умереть в этом году.

– Я... – Трёстюр осекся, открыл рот, чтобы добавить что-то, но так ничего и произнес.

Фрейя откашлялась и, прежде чем вмешаться, взглянула на Хюльдара.

– Мы прекрасно понимаем, что тогда, десять лет назад, вы написали все это, потому что злились, но не воспринимали свои угрозы всерьез. Я – детский психолог и знаю, что дети говорят, пишут и... – Она не закончила.

Трёстюр с силой – так, что побелели костяшки пальцев – сжал подлокотники кресла. Черные тату проступили почти рельефно, и Хюльдар вроде даже разобрал слово *ultio* на левой руке и *dulcis* на правой. Ни первое, ни второе ничего ему не говорили.

– Детский психолог? – Трёстюр взорвался с такой яростью, что едва не забрызгал Фрейю слюной. – Вы, часом, не из Комитета защиты?

Фрейю этот выброс злобы как будто и не смутил. Возможно, потому, что она привыкла к таким вещам.

– Я работаю в Доме ребенка, которым управляет Комитет защиты детей. Но сейчас я не представляю ни тех, ни других, а помогаю полиции.

Но успокоить Трёстюра ей не удалось.

– Убирайтесь! Мне с вами не о чем говорить! – завопил он и наставил на Фрейю длинный тонкий палец. – Ты, все эти психологи, все это дерьмо про защиту детей, – вы просто кучка драных сучек. Будь моя воля, я всем вам отрубил бы бошки и нассал в ваши вонючие глотки!

Хюльдар торопливо поднялся.

– Идем, Фрейя. – Он обошел юнца, у которого уже появилась пена на губах. – Еще одно такое слово, и я надену на тебя наручники. Хочешь переночевать в камере? – Хюльдар держал себя в руках, но его голос отдавал металлом.

Трёстюр тяжело запыхтел; крылья его носа побагровели и затрепетали.

– Вон! Я ничего вам не скажу.

Хюльдар уже понял, что успокоить его не получится. Придется вызвать повесткой в полицейский участок и продолжить разговор там. Поскольку мишенью гнева была в первую очередь Фрейя, он выпроводил ее из комнаты, прикрывая с тыла. Удара или толчка сзади опасаться не стоило: тощий говнюк вряд ли сбил бы его с ног, – но вот нанести удар ножом в спину в порыве безумия вполне мог. «Если меч слишком короток, сделай шаг вперед». Возможно, этот римский девиз подразумевал что-то похожее. По крайней мере, к угрозам в письме следовало отнестись всерьез.

Только когда Фрейя обулась и вышла на лестничную площадку, Хюльдар позволил себе расслабиться. Он шагнул за ней следом, но, когда Трёстюр попытался захлопнуть дверь, протянул руку, остановил его и спокойно и негромко спросил:

– Ты думал, зачем мы к тебе пришли?

Трёстюр толкнул дверь, но Хюльдар был сильнее, тяжелее и выше.

– Я задал вопрос. Ты думал, мы зачем пришли?

Лицо дохляка-панка потемнело от ярости и напряжения. Стиснув зубы, он прошипел:

– Я-то затупил; думал, теперь, когда он выходит, вы, копы, побеспокоитесь о нас... Не сообразил.

Сбитый с толку неожиданным ответом, Хюльдар опустил руку, и Трёстюр, воспользовавшись моментом, навалился всем телом на дверь и захлопнул ее прямо перед лицом полицейского.

Что он имел в виду? Кто и откуда выходит?

Зазвонил телефон. На экране высветился номер полицейского участка.

– Привет, это Гвюдмюндюр. Хотел предупредить: тут что-то происходит в связи с тем парнем, о котором мы говорили. Меня только что попросили объяснить интерес к нему. Всего лишь через пару часов после того, как ты ушел. На твоём месте я бы не распространялся, что собираюсь поговорить с ним. И будь осторожен. Одному богу известно, почему его так оберегают, но, полагаю, причина не самая приятная.

– Спасибо за предупреждение, но уже немного поздно. Я только что вышел из его квартиры и стою за дверью. Парень выгнал нас, едва мы только сели. Думаю, ты прав – дело очень странное... Позвоню попозже, ладно?

Хюльдар сунул телефон в карман, перевел взгляд на дверь с осыпающейся старой краской, повернулся и поспешил следом за Фрейей.

Что же это, будь оно неладно, происходит?

Глава 9

Детство Фрейи и Бальдура прошло в условиях, далеких от типичных. Первые несколько лет они росли с молодой матерью, совершенно не подходившей для этой роли, но делавшей все возможное, чтобы найти время и силы на два главных своих приоритета – детей и развлечения. Последнее и погубило ее в конце концов, после чего детей отправили к бабушке и дедушке. Но и они со своей задачей не справились. И не только потому, что были по натуре людьми замкнутыми и жесткими, но и потому, что в силу возраста оказались не готовыми взять на себя заботу о маленьких мальчике и девочке. Отцы детей оказались типичными воскресными папашами, которые старались исполнять свои обязательства, но Фрейя и Бальдур быстро поняли, что чувство долга – плохая замена бескорыстной, безоговорочной любви. Так что после смерти матери не нашлось никого, кто предложил бы брату и сестре эту самую любовь. Кроме их самих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.